

Ригоберт Гюнтер

К РАЗВИТИЮ СОЦИАЛЬНОЙ И ИМУЩЕСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ДРЕВНЕЙШЕМ РИМЕ

Эпохе так называемого царского времени в Риме в современной марксистской исторической науке неправомерно уделяется мало внимания. Если, например, просмотреть «Вестник древней истории» за последние годы, можно найти лишь одну специальную статью, посвященную социальному развитию в древнейшем Риме¹. Учеными капиталистических стран за последние двадцать лет, напротив, осуществлен ряд исследований, посвященных раннему Риму. В этих работах большое место занимают археологические вопросы. Однако некоторые статьи посвящены также государственному развитию. Их содержание будет особо рассмотрено в дальнейшем. Все же уже теперь следует заметить, что в этих работах, несмотря на иногда превосходное, ценное исследование отдельных частных вопросов, полученные сведения слишком мало приводятся в связь с социальной историей.

Настоящая статья не может представлять что-либо большее, чем попытку обратить интерес и внимание передовой исторической науки на то время, когда в Риме только что стало развиваться рабство и возникать государство. Вопросы имущественной дифференциации, классового расщепления, как и возникновения государственного аппарата соответственно находятся на переднем плане. Из этого вытекают и хронологические рамки работы: мы рассматриваем в первую очередь время от IX до первой половины V веков.

1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РИМА

(IX—VI вв. до н. э.)

Следует сразу же принять во внимание основной факт: Рим в царскую эпоху не был изолированным поселением, но с самого раннего времени был связан с другими областями Италии. Находки, о которых подробно речь будет идти ниже, свидетельствуют, что Рим — как и вообще область северного Лация — образует в экономическом и куль-

¹ Болгарский ученый М. Андреев, ВДИ, 1955, № 1, стр. 142 слл., рассматривает недвижимую собственность в Риме до законов Двенадцати таблиц. В своем опыте периодизации римской истории П. Н. Тарков (ВДИ, 1956, № 4, стр. 130 слл.) касается отчасти времени древнейшего Рима. Польский исследователь Б. Билинский («Archeologia», III, 1949) в своей обстоятельной статье изучает проблему труда в древнем Риме и обращает внимание также на вопросы, касающиеся истории древнейшего Рима.

турном отношении одно целое с южной этрусско-фалисской территорией.

Правда, по содержанию и богатству римские находки времени от VII до конца VI в. уступают великолепным образцам из Пренесте, Цере, Тарквиний и Ветулонии. Однако по своему стилю и формам они принадлежат к тому же самому типу. С конца VI в. существовали экономические и культурные связи между Римом и греческими городами Кампании, а также городами Великой Греции и Сицилии. Два грека, Горгас и Дамофил, оба — художники и скульпторы, украшали храм Цереры на Авентине; сицилийские и южноиталийские корабли с зерном доходили до Рима; Карфаген заключил с Римом торговый договор. Греческие вазописцы и гончары еще до VI в. работали в таких этрусских городах, как Тарквиний, Цере и другие. Напрашивается заключение, что они приносили с собой производственные методы своей родины. Таким образом, исследование археологических находок нельзя ограничивать только Римом. Область, где можно их обнаружить, следует распространить дальше на юг. Римский составной элемент является лишь частью картины, но эту картину в целом невозможно понять, не учитывая всех связей.

Начнем с рассмотрения строительных памятников. На рубеже XIX и XX вв. юго-западнее *Equus Domitiani* были найдены на форуме остатки большой стены, которая тянется в направлении West—Nord—West². Исследование происхождения камней, которое провел De Angelis d'Ossat, показало, что блоки, состоящие из желтоватого вулканического туфа, происходят из области Мартиньяно, севернее Рима на территории Вей (там же, стр. 23, прим. 3). Камни имеют длину 75 см, ширину — 60—70 см и высоту 27—30 см. От остатка стены сохранилось — один на другом — три слоя камней; пока что известна только часть стены длиной в 3,5 м (там же, стр. 25—28, прим. 2—7). Основание стены находится примерно в 21 стратиграфическом слое (по Гьерстаду): вычитая углубление, необходимое для фундамента, получаем слой, который с помощью керамических находок может быть отнесен к переходному периоду от VI к V в. (там же, стр. 74). В слоях, которые можно датировать VI в., находились остатки керамики буккери и грубых бытовых предметов, а также черепицы (там же, стр. 59 сл., рис. 38—40). Эта стена существовала в то время, когда Комиций еще не превратился в место деятельности римских ремесленников и строителей. Около середины V в., когда на форуме впервые задумали сделать мостовую, стена была сломана. По-видимому, камни были размельчены в период, соответствующий слою упомянутой мостовой (там же, стр. 74, рис. 58).

Происхождение камней имеет большое значение. Результаты исследования De Angelis d'Ossat опрокидывают старое представление, согласно которому камень из области Вей мог использоваться в римских строительных предприятиях только первой половины IV в. — со времени римского завоевания Вей. Отсюда следует, что к литературным данным о дружественных римско-вейских отношениях около конца VI в. теперь прибавляются также археологические свидетельства.

Слоям 20—22 (по Гьерстаду) на форуме соответствуют слои раскопок на *Sacra via*, для которых характерна развитая архитектура (там же, стр. 130 сл., рис. 129—139). В этих слоях найдено некоторое количество остатков стен, возможно, принадлежавших стенам домов. Поблизости от них находятся места для очагов. Все камни тщательно обтесаны и выровнены со всех сторон. Вероятно, дома имели прямоугольное очертание. Осторожная датировка этих слоев с помощью керамических нахо-

² E. Gjerstad, *Early Rome*, I, Lund 1953, стр. 23 сл.

док позволяет с уверенностью отнести их к периоду между 575 и 450 гг. до н. э. (там же, стр. 148). Предметы, найденные в ходе глубоких раскопок на Палатине, не противоречат этому, но дополняют картину³. С. Пульизи, исследовавший палатинские находки, относящиеся ко времени от первого периода Железного века до перехода к Республике, пришел к выводам, сходным с результатами, полученными Е. Гьерстадом на *Sacra via* и на форуме. В обоих случаях керамика дает доказательства тесных связей с этрусками и греками (там же, стр. 56 сл.).

Размеры капитолийского храма Юпитера известны: около 59×54 м⁴. Он был в то время самым большим святилищем Италии. Строительная деятельность не ослабела и в первые годы Республики. Известны руины храма Сатурна, который, по Ливию (II, 21, 2), был освящен в 497 г.⁵. Величина блоков, а также способ их обработки имеют параллели в остатках стен на форуме, описанных выше. В 495 г. был освящен храм Меркурия, но какие-либо его остатки неизвестны. Столь же мало достоверны сведения об освященном в 493 г. храме Цереры, Либеры и Либеры на Авентине⁶.

Остатки архаических стен, которые находят себе соответствия как в частях храма Сатурна, так и в остатках стены на форуме, известны для храма Весты, для *Regia* и для храма Кастора (освящен в 484 г.)⁷. По сравнению с поздней Республикой слои царского и раннереспубликанского времени содержат немного остатков строительных сооружений. Но даже это немного показывает, что Рим со второй половины VI в. был достаточно богатым городом. Дома в Риме того времени, как это подтвердит рассмотрение фрагментов терракот с изображениями, не уступали домам из Цере, Вей, Велитр или Сатрика⁸. Более поздний римский городской вал охватывал область примерно в 2,8 кв. км. Даже если сократить это число для царского Рима VI в. и если вся земля внутри вала не могла быть застроена, все же оказывается, что городская территория Рима была тогда большей, чем в Цере или в Пренесте. Рим в последние годы перед изгнанием Тарквиниев следует отнести к наиболее могущественным и богатым городам Средней Италии (там же, стр. 5). «Случилось так, что теперь мы знаем, что еще до начала Республики Рим имел обширную морскую торговлю, развитую промышленность и большое количество роскошных зданий, красиво украшенных греческими и этрусскими художниками»⁹.

Таким образом, археологические находки демонстрируют общность, которая связывала римскую культуру с южноэтрусской и фалерской. Этот вывод подтверждается найденными в Риме фрагментами терракот. Один из терракотовых антефиксов (голова женщины) восходит ко второй половине VI в. и имеет соответствия в Цере; более того: вероятно,

³ S. Puglidsi, «Mon. Linc.», 41 (1951), стр. 2 сл.

⁴ T. Frank, ESAR, I, Baltimore, 1933, стр. 5; ср. C. Hülsen, Capitulum, RE, VI, Hb., стб. 1531 слл.

⁵ T. Frank, Roman Buildings in the Time of the Republic, Rome, 1924, стр. 51 сл.

⁶ Platner-Ashby, A Topographical Dictionary of Ancient Rome, L., 1929, стр. 109 сл.

⁷ M. E. Blake, Ancient Roman Construction in Italy from the Prehistoric Period to Augustus, Washington, 1947, стр. 120 сл.

⁸ Frank, ESAR, I, стр. 4 сл.

⁹ Frank, Some Economic Aspects of Rome's Early Law, «Proceed. Amer. Phil. Soc.», 70 (1931), стр. 193 сл.; на стр. 205 Франк дает следующую оценку раннему Риму: «Необходимо, чтобы исследователи древнего права, прежде чем браться за объяснение значения и целей тех фраз, которые они пытаются интерпретировать, провели тщательное исследование социальных и экономических условий, из которых вырастало право». Это условие имеет силу не только для исследователей права!

он происходит из этого города ¹⁰. Из северного предместья Рима происходит терракотовая голова Юноны Соспиты (Riis, ук. соч., стр. 12). К последней четверти VI в. относится антефикс менады, мастерское произведение этрусской работы со следами влияния ионийского и аттического искусства ¹¹. Тем же временем можно датировать антефикс Силена (там же, табл. 172, 4). Другой подобный экземпляр можно с уверенностью отнести к храму Капитолийской Троицы ¹². Эти антефикисы Силена родственны кампанским терракотовым маскам, в особенности же капитолийский образец — маскам из Civit  Castellana (Riis, ук. соч., стр. 26—27). Здесь же были встречены и более ранние памятники.

Так как древнейший экземпляр найденного в Риме этрусского антефикса относится к середине VI в. ¹³, то можно предположить, что во второй половине VI в. в Риме имелась мастерская по производству терракоты, которая, возможно, обслуживалась ремесленниками из Цере. По-видимому, они продолжали работать и после изгнания Тарквиниев, так как находки отмечены и после конца VI в. (Riis, ук. соч., стр. 13, 27). Сходные терракотовые антефикисы имеются в южных этруско-фалисских и латинских пунктах. Особенности этой терракоты, так же как и техника ее изготовления, подтверждают, что вся эта область составляла единое целое и в экономическом отношении.

С форума происходит фрагмент рельефа с изображением коня (Giglioli, ук. соч., табл. 97, 5) и с Палатина — обломок лепного фриза со сценой пиршества ¹⁴. Изображения фрагментов других рельефов имеются у Ван Бурена и Джильоли ¹⁵.

Между 1950 и 1954 гг. на форуме были произведены раскопки, содействующие выяснению спорных вопросов относительно топографии форума, в частности его протяженности на запад и последовательности слоев. Место раскопок находилось у северо-восточного угла «арки Августа». В слое, лежавшем на 10,85 м выше уровня моря, были найдены обломки керамики буккери итальяско-коринфского и итальяско-геометрического стиля ¹⁶. Другие места находок располагались между храмом Кастора и храмом божественного Юлия у северо-восточного угла второго из названных храмов и севернее источника Ютурны, рядом с храмом Кастора. Один из найденных фрагментов изображает двух идущих налево барсов и между ними — человека с бычьей головой, шагающего в том же направлении. Голова быка представлена en face, а головы барсов — в профиль. Два других фрагмента с таким же рельефом, каждый с головой барса en face, дополняют картину ¹⁷.

Эти фрагменты принадлежат или к одинаковым фризам или фризам аналогичного типа. Барсы соответствуют изображениям коринфской вазописи. Аналогичные экземпляры были найдены в Риме на Comitium,

¹⁰ E. Douglas van Buren, *Figurative terra-cotta Revetments in Etruria and Latium*, L., 1921, стр. 25, табл. 4,3; P. J. Riis, *Tyrrhenika*, Copenhagen, 1941, стр. 10.

¹¹ G. Giglioli, *Arte Etrusca*, Milano, 1935, табл. 183, 3.

¹² Douglas van Buren, ук. соч., стр. 9.

¹³ Douglas van Buren, ук. соч., стр. 21.

¹⁴ F. Altheim, *R mische Geschichte*, II, Frankfurt a. M., 1953, стр. 124 сл.; Douglas van Buren, ук. соч., стр. 51.

¹⁵ Douglas van Buren, ук. соч., табл. 21, 1; 61, 32, 2a; Giglioli, ук. соч., табл. 100, 3; подобная находка из Пренесте: табл. 100, 4.

¹⁶ P. Romanelli, *Terracotte architettoniche del Foro Romano*, «Boll. d'Arte», 40 (1955), стр. 203 сл.; cp. E. Gjerstad, *La stratigrafia e i pi  antichi materiali archeologici nella zona dell'Arco di Augusto*, «Boll. Paletn. Ital.», N. S., IX, 64 (1954—1955), стр. 277 сл.

¹⁷ P. Romanelli, ук. соч., стр. 205 сл. Все излагаемые далее данные базируются на этом прекрасном описании.

рядом с *equus Domitiani*, и еще два — на Капитолии. Они, однако, относятся к более позднему периоду (около конца VI — начала V в.) (Ср. Gjerstad, *Early Rome*, стр. 65, рис. 49, 79 сл.). Ранее названные группы можно датировать концом VII в. Человек с головой быка изображен совершенно в стиле архаической этрусской скульптуры¹⁸. В данном случае, однако, нельзя думать о Минотавре. Недостает Тезея, который всегда изображается вместе с Минотавром на экземплярах, происходящих из той же эпохи¹⁹.

Изображения барсов указывают на культ Диониса²⁰. В нашем случае человекобык — это бог Дионис. Известны его эпитеты: *βορυσενής*, *βορυσέρος*, *ταυροκέφαλος*, *χρυσοκέρος* (Thraemer, ук. соч., стб. 1056—1058). В адорационных формулах он фигурирует в качестве «быка»²¹.

Стилистически эти фрагменты принадлежат к отмеченному восточным влиянием архаическому периоду. Вместе с тем прослеживается сходство с коринфской керамикой, с другой стороны, очевидно этрусское влияние. Эти фрагменты рельефов родственны разукрашенным пифосам из Цере, гидрии из Полледрары, амфоре из Chiusi, а также обломкам фриз и буккеры из Тарквиний. Хронологически все эти находки должны быть помещены на конец VII или начало VI в. Тем не менее они являются древнейшими свидетельствами наличия в Риме греко-этрusco-этрusco искусства терракоты и увеличивают число указаний на тесные связи Рима с Этрурией в то время. Вместе с тем мы обладаем важным доказательством существования культа Либера уже в это время, когда древнейший порядок религиозных торжеств не был еще твердо установлен.

Широкое применение фигурных терракот в кровельных устройствах (очевидна связь в стиле ионийского фриза с восходящим к коринфскому искусству антефиксом) составляет италийско-этрusco-этрusco особенность. В то время как применение архитектурных терракот в самой Греции прекратилось сравнительно рано, в Италии оно прочно удерживалось до I в. до н. э.²² До второй половины VI в. на архитектурных терракотах прослеживается коринфское влияние. Во второй половине VI в. ведущее положение занимает коринфский образец, который затем постепенно уступает место аттическому (там же, стр. 14 сл.).

Римские находки классифицируются в соответствии с этими связями. Они подтверждают тесные отношения Рима с Грецией, которые А. Блэкуэй установил для керамики²³. Эти отношения еще будут рассмотрены ниже.

Этрusco-этрusco влияние на Рим доказывается не только материалом строительных сооружений и терракот. Само название города, как и его мифологические основатели, — этрусского происхождения²⁴, этрусскими являются названия его холмов²⁵, его древнейших триб (Schulze, ук. соч.,

¹⁸ Ср. A. André, *Architectural Terracottas from Etrusco-Italic Temples*, Lund, 1940, табл. 57, №№ 186 и 188 (Виньянелло); табл. 24/25; P. Romanelli, «Not. d. Scavi», 1948, стр. 227 сл. (Тарквиний).

¹⁹ Furtwängler, *Archaische Zeit*, 1884, стр. 107; Culterra, «Boll. Arch. Com.», 1924, стр. 26 сл. (Тарквиний); Galli «Boll. d'Arte», 1924—1925, стр. 353 сл.; рис. 3 и 6 (Чиузи); Smith, JHS, 14 (1894), стр. 206 сл. (Полледрара).

²⁰ E. Thraemer, *Roschers Lex.*, Dionysos, стб. 1055; U. v. Wilamowitz-Moellendorf, *Der Glaube der Hellenen*², I, стр. 147 сл.; H. Jereb, Panther, RE, 18, 3, стб. 752.

²¹ Cp. W. F. Otto, *Dionysos, Mythos und Kultus*, стр. 153 сл.

²² G. Meierwein, *Die Giebelfiguren der etrusk.-italischen Tempel*, Heidelberg, 1949, стр. 9.

²³ Annual Brit. School at Athens, 33 (1932/1933), стр. 170 сл.; JRS, 25 (1935), стр. 129 сл.; R. L. Beaumont, JHS, 56 (1936), стр. 159 сл.

²⁴ W. Schulze, *Zur Geschichte lateinischer Eigennamen*, B., 1904, стр. 579 сл.

²⁵ Altheim, *Röm. Geschichte*, т. II, стр. 22.

стр. 218), различных курий (Altheim, *Röm. Geschichte*, II, стр. 70), царского дома Тарквиниев, некоторых божеств древнейшего календаря религиозных празднеств, древних храмов, равно как и древнейших изображений богов (там же, стр. 56, 60, 75, 128 сл.).

Предметы, находимые в могилах царского периода, позволяют выявить тесные связи с греческой, фалисской и этрусской областями влияния. Они подтверждают, что культура Рима того времени находилась на высокой ступени развития ²⁶.

Свидетельством широкой общеталийской торговли в VII—VI вв. является итальянско-геометрическая керамика. Керамические мастерские находились прежде всего в Кумах, в этрусских и фалисских городах ²⁷. Находкам латинского происхождения соответствуют многочисленные остатки из римских захоронений царского времени; находят мало предметов греческого и больше — этрусско-фалисского импорта ²⁸. Как установил Габричи, изучая керамику из Кум, итальянская керамика VII в. подражала греческим образцам ²⁹. Другие керамические мастерские, которые видели в этом подражании свою главную задачу, находились в Цере, Тарквиниях и Фалериях. В Риме продукция южноэтрusco-фалисских мастерских занимает первое место (Ryberg, *ук. соч.*, стр. 11 сл.). Керамика собственного производства встречается в Риме на ограниченной площади и худшего качества (там же, стр. 15 сл., 22). Ее значение возрастает только с конца VI в., когда прекратился этрусский импорт.

В течение всего периода преобладания этрусского влияния в Риме здесь не вытесняется и фалисская керамика. Более грубая бытовая керамика фалисского производства вполне сохраняла способность конкурировать с более тонкой этрусской керамикой буккери (там же, стр. 32 сл.).

Большинство найденных в римских могилах царского времени металлических вещей также имеет свои соответствия в находках из этрусских и фалисских городов (Ryberg, *ук. соч.*, стр. 33). Уже в I догородском периоде в могилах на *Sacra via* находят фибулы различных форм: как общеизвестную форму Certosa, так и извилисто-дуговую фибулу ³⁰. Бронзовые кольца с украшениями также обнаруживаются уже в I периоде в могилах на *Sacra via* — как на эсквилинском, так и на квиринальском кладбищах ³¹.

Находки, указывающие на военную деятельность, дает прежде всего эсквилинский некрополь. Бронзовый шлем (29,0 × 25,4 × 15,6 см)

²⁶ Об этом см. прежде всего I. S. Ryberg, *An archaeological Record of Rome, from the Seventh to Second Century B. C.*, L., 1940, стр. 1 сл.; он же, *Memoirs Amer. Acad. Rome*, 7 (1929), стр. 7 сл.; и, наконец, Gjerstad, *Early Rome*, II, 1956; автор дает обзор найденных в Риме могил царского времени.

²⁷ Ryberg, *An Arch. Record*, стр. 2; на это родство указывал уже G. Pinza, *Mon. Linc.*, 15 (1905).

²⁸ Ryberg, *ук. соч.*, стр. 5; A. della Seta, *Museo di Villa Giulia, Roma*, 1919, стр. 242 сл.; 358 сл.; v. Duhn-Messerschmidt, *Italische Gräberkunde*, II, Heidelberg, 1939, стр. 458 сл.

²⁹ *Mon. Linc.*, 22, 1913, стр. 381 сл., 393 сл.

³⁰ Могила B, PP: Gjerstad, *Early Rome*, стр. 20, 46 сл. В периоде II A наличествуют обе формы; во II B отмечены формы типа Navicella и Sanguisuga; имеются также и более ранние типы фибул. В периоде III преобладают фибулы Navicella. В противоположность могилам на *Sacra via*, в некрополе Эсквилина фибулы Certosa фигурируют только в первом периоде, в то время как во II A преобладают уже фибулы Sanguisuga. Во II B фибулы Sanguisuga, Navicella и извилисто-дуговые; фибулы Certosa становятся редкостью. В III периоде картина остается неизменной. Таким образом, за исключением извилисто-дуговых фибул, новые формы фибул вообще появляются в эсквилинском некрополе на более ранней стадии; эсквилинские могилы отличается также большее число найденных фибул.

³¹ Могилы V, PP (*Sacra via*); XI, XX (Эсквилин), 2 (Квиринал); Cp. Gjerstad, *Early Rome*, стр. 20, 46 сл., 166 сл., 168.

из могилы ХСIV периода II В сделан по ветулонским образцам ³². От того же периода из различных эсквилинских могил происходят нагрудные щиты ³³, которые были в употреблении в южноэтрусской и фалисской областях ³⁴. Найденные в эсквилинских могилах мечи известны также для Северной и Восточной Италии ³⁵. В некоторых могилах — бронзовые и железные наконечники копий ³⁶. Железо появляется в качестве украшения в одной могиле на Sacra via уже в периоде I (могила Q); в могиле M, расположенной там же (период II В), находилось железное кольцо, в периоде III железо также еще относительно редко. В эсквилинском некрополе железа нет в периоде I, затем оно появляется во II А уже в виде оружия, в то время как в могилах на Sacra via железное оружие впервые обнаруживается в III периоде, и то только в единичном случае. Вместе с тем в эсквилинских могилах, начиная с периода II В, имеются железные украшения и бытовые предметы ³⁷, наряду с бронзовыми бритами.

Прямоугольные бронзовые дощечки, украшенные выбитыми выпуклостями и точками, находят также в фалисской и пиценской областях ³⁸. Бронзовые треножники были обнаружены в различных пунктах древнейшего Рима; образцы, по которым они изготовлены, отмечены в ряде мест Этрурии и Лация: в Фалериях, Нарче, Марсилиане и Сатрике ³⁹.

Некоторые захоронения на Sacra via и на Эсквилине снабжены особенно богато. В периоде I в могиле Q на Sacra via были обнаружены янтарные бусы ⁴⁰, в периоде II А в могиле А — блюдо в форме лодки, в могиле V того же периода — изящная небольшая глиняная печка для угля, чужеземной работы с пробивным орнаментом. Стекланные бусы появляются на Sacra via в периоде II В ⁴¹. Костяные подвески ⁴², слоновая кость ⁴³ и раковины (могила О, период III) дополняют картину. Могила ХХI на Эсквилине прибавляет к этой серии находок бусы из горного хрусталя (период II В).

Золото и серебро по сравнению с богатыми погребениями этруских аристократов редко встречаются в захоронениях Рима. В могиле GG (период II В) на Sacra via находилось небольшое кольцо из золотой

³² G j e r s t a d, Early Rome, стр. 232 сл.; R y b e r g, ук. соч., стр. 233.

³³ XIII, LXXXVI, XCIV, XCVIII: G j e r s t a d, ук. соч., стр. 203 сл., 225 сл., 227, 232 сл., 234 сл.

³⁴ «Mon. Linc.», 15 (1905), стр. 147, рис. 62 (Тарквинии, так называемый guerriero).

³⁵ O. M o n t e l i u s, La civilization primitive en Italie, Stockholm, 1895 табл. 31, 9; «Bull. Paleol. Ital.», 9 (1883), стр. 103, табл. 3, 4; «Mon. Linc.», 4 (1894), табл. 11, 11 (Тарквинии и Нарче); в Риме мечи, кинжалы и ножи до сих пор обнаружены в следующих могилах: Sacra via=период III: могилы I, K; Эсквилин=период II В: могилы XII, XVIII, XIX, XXX, LXXIV, XCVIII, CXIX; период III: могилы C, CXXVII.

³⁶ Sacra via=период III: могила G; Эсквилин=период I: могила ХХIV; период II А: могилы XXXIII, XLIX; период II В: XII, XVIII, XXXI, XXXIX, XLIII, LXXIV, LXXXIX, XCIV, CI, CX, CXIX; период III: могилы LXXXII, CV.

³⁷ Прялка: могила XIX; фибулы: XXXIX, LXIII, C; браслет: C; кольцо: Виа Джиоберти, 3; Квиринал: период II В; могила II — два железных кольца.

³⁸ R y b e r g, ук. соч., стр. 34; L. A. H o l l a n d, The Faliscans in Prehistoric Times (Pap. and Monographs Amer. Acad. Rome), 6, 1925, стр. 120; в Тарквиниях: M o n t e l i u s, ук. соч., табл. 288, 13; табл. 295, 1а; табл. 281, 2.

³⁹ R y b e r g, ук. соч., стр. 35 сл.; P. D u c a t i, SE, 5 (1931), стр. 85 сл., стр. 100, № 20; стр. 98, № 14, 8.

⁴⁰ G j e r s t a d, Early Rome, стр. 26 сл.; также в могиле M (II В), M 1, II; янтарь на Эсквилине с периода IIA, со II В — в большем количестве.

⁴¹ Могила M., G j e r s t a d, ук. соч., стр. 86 сл.; могила II и I (периода III), K, FF; на Эсквилине от II А — в значительно большем количестве.

⁴² Могила GG (период II В), могила III.

⁴³ Могила I (период III), могила AA; на Эсквилине со II В, особенно с периода III. Ср. U. K a h r s t e d t, «Klio», 12 (1912), стр. 461 сл.; о происхождении найденных в Риме янтарных изделий ср. W. v. B i s s i n g, SE, 7 (1933), стр. 91 сл.

проволоки ⁴⁴. В могиле D (там же, период III) лежали пять серебряных фибул (там же, стр. 117 сл.); в могиле C III на Эсквилине (II B) — серебряное кольцо (там же, стр. 239 сл.); в могиле C периода III (там же) — два серебряных браслета (там же, стр. 252 сл.). Вообще предметы из захоронений эсквилинского некрополя отличались общим богатством форм и лучшим качеством по сравнению с захоронениями на *Sacra via*.

Наряду с этим производят сильное впечатление находки предметов военного вооружения. Названная выше могила ХСIV периода II B содержала остатки боевой колесницы. С периода II B, который начинается с конца VII в., богатство содержимого эсквилинских захоронений еще более увеличивается. По-видимому, это объясняется тем, что для общины Семи холмов Эсквилин являлся военным центром. Захоронения на *Sacra via* также свидетельствуют о прогрессирующем социальном расслоении догородского римского поселения на Семи холмах.

Далее, археологические источники подтверждают торговлю с фалисками, о которой часто упоминается в литературных свидетельствах ⁴⁵. Фалиски торговали с латинами и сабинами еще до периода этрусского господства в Риме, который в это время экономически был связан с фалисской областью теснее, чем с этрускими городами. Находки предметов греческого геометрического стиля вдоль Тибра доказывают, что эта река была ранним торговым путем ⁴⁶. «Рим был аванпостом, испытывающим этруское влияние скорее через фалисскую культуру, чем от собственно этрусской сферы» (Ryberg, ук. соч. стр. 46).

Римские могилы свидетельствуют о менее значительном богатстве, чем многие захоронения из этруских и латинских городов. Даже могила знатного воина на Эсквилине конца VII или начала VI в. гораздо беднее богатых захоронений в Ветулонии («*duce*»), Тарквиниях («*guettiego*»), Пренесте (Bernardini и Berberini). Возможно, эта могила позволяет нам уяснить характер первой фазы этрусского господства в Риме. Эта фаза была еще исключительно военной, фрагменты этрусской терракоты начинают появляться самое раннее в середине VI в. (Altheim, *Röm. Geschichte*, стр. 19). Несмотря на относительную бедность находок керамики и более низкое ее качество, нельзя не видеть наличия определенных соответствий в стиле и формах.

Со второй половины VII в., как об этом свидетельствует инвентарь захоронений, все сильнее выступает социальное расслоение, которое началось уже столетием раньше. Земледелие, скотоводство и ткачество относятся археологически уже к периоду I ⁴⁷.

Находки в могилах не исчерпывают свидетельств, доказывающих общность социально-экономической структуры Лация, Южной Этрурии и фалисской территории. На форуме была найдена ваза буккери с этрусской надписью. Эта надпись относится к VI в. и, таким образом, она

⁴⁴ Gjerstad, *Early Rome*, стр. 104 сл.

⁴⁵ Об этом L. R. Taylor, *JRS*, 10 (1920), стр. 29 сл.; «*Papers and Monographs Amer. Acad. Rome*», 2 (1923), стр. 13, 47 сл.; Holland, ук. соч. (см. прим. 38), стр. 75; v. Duhn-Messerschmidt, ук. соч., 2, стр. 600.

⁴⁶ A. Blakeway, *JRS*, 25 (1935), стр. 130 сл.; Ryberg, ук. соч., стр. 46.

⁴⁷ В период I преобладают находки ячменя; наряду с ним фигурируют эммер, полба, а также один сорт гороха (*Lathyrus sativus* L.). Во II A преобладают эммер, полба и ячмень, кроме того, имеются находки дроковых ягод и конских бобов. Во II B преобладают эммер, полба, ячмень и конские бобы, а также имеются овес, горох и ягоды рябины. В III периоде преобладают полба, ячмень и виноградные зерна, находят также конские бобы и горох. В находках из архаического города преобладают эммер и полба, а также имеются ячмень, овес и горох. Среди остатков костей животных во все периоды доминируют кости свиньи, затем овцы, быка, теленка, встречаются также кости голубя, рыбы, черепахи и собаки: Gjerstad, *Early Rome*, стр. 157 сл. Прялки появляются в многочисленных могилах, начиная с периода I.

является самой ранней надписью из известных древнейших латинских надписей города ⁴⁸. При исследовании ближайшего окружения *Lapis Niger* были открыты бронзовые фигурки. Они на несколько десятилетий старше упомянутой выше вазы с надписью, а их подобию имеются в «Гробнице Бернардини» в Пренесте ⁴⁹. С Яникула происходит раннеклассическая статуя, примыкающая в отношении своего стиля к греческой скульптуре Южной Италии ⁵⁰. Блестящим образцом является капитолийская волчица, которая на рубеже VI и V вв. вышла из этрусской бронзовой мастерской. Предполагают, что местом ее происхождения были Вульчи, средоточие этрусского бронзового искусства, Вей или Цере ⁵¹.

Устройство капитолийского храма Юпитера также было этрусским: его предшествующая стадия заметна в доэтрусском слое Болоньи и в Валь Камоника (*Altheim, Röm. Geschichte*, стр. 124 сл.). Этрусская гробница имеется в эсквилинском некрополе ⁵², другие такие же гробницы расположены среди гробниц Сципионов на *Via Appia* (*Altheim*, ук. соч., стр. 125, 136). Стенная живопись в Ардее и Ланувии представляет промежуточное звено этого проникающего с севера на юг культурного влияния. Однако рассмотрение данного круга вопросов было бы односторонним, если не учитывать также греческого культурного влияния, которое широким потоком текло через Лаций на север, в этрусскую область.

Необходимо коротко суммировать результаты предшествующего исследования. Уже в конце VII в. этруски прочно закрепились в Риме и Кампании. Во второй половине VI в. они достигают здесь вершины своего могущества; великолепные дома и храмы в Риме свидетельствуют о высокой степени политического и экономического развития этих областей. Римское ремесленное производство также достигает в этот период значительного развития, однако в его продукции нет ничего оригинального. По форме и стилю оно тесно примыкает к южноэтрусским образцам; вероятно, в Риме работали ремесленники из южноэтрусских городов: Цере, Вей, Фалерий и Пренесте. В этих же центрах обнаруживается большинство образцов, воспроизводимых затем римским ремеслом этого времени.

Этрусское искусство в Риме второй половины VI в. представлено четырьмя группами импорта. Во-первых, изделия из Цере; примерами являются бронзовый юноша с Яникула и женская голова с Капитолия ⁵³. Во-вторых, изделия из Вей; к ним принадлежат терракотовые рельефы с изображениями колесниц (там же, рис. 48). В-третьих, изделия латинофалисского происхождения; сюда относится изображение Силена (там же, рис. 57). В-четвертых, импорт различного происхождения; к нему принадлежит капитолийская волчица, которая, как уже отмечалось, попала в Рим, вероятно, из Вульчи. Если в этот период раннеэтрусского влияния изделия из Вей, возможно, служили важнейшими образцами для римского ремесла, то позднее их место заняли Цере и некоторые

⁴⁸ M. Pallottino, SE, 15 (1941), стр. 275; он же, *Etruscologia*, 1943, стр. 109 сл.; W. Brandenstein, «Indogermanische Forschungen», 59 (1944/1948), стр. 317; H. Fuhrmann, «Archaeologischer Anzeiger», 56 (1941), стр. 498.

⁴⁹ «Notizie degli Scavi», 25 (1900), стр. 324 сл., рис. 27; G. Hanfmann, *Altetruskische Plastik I*, Würzburg, 1936 (Diss.), стр. 125; Riis, ук. соч. (см. прим. 10), стр. 28, 29.

⁵⁰ Ny Carlsberg Glyptothek, Fortegnelse over de antike Kunstvoerker (1940), № 28; H. Brunn — F. Bruckmann, *Denkmäler griechischer und römischer Skulptur*, München, 1888, стр. 743—744.

⁵¹ Giglioli, ук. соч., табл. 197; Riis, ук. соч., стр. 30 сл.; он же, *An Introduction to Etruscan Art*, Copenhagen, 1953, стр. 118, рис. 54.

⁵² Могилы CXXV архаического города; ср. Gjerstad, *Early Rome*, стр. 259 сл., 264.

⁵³ Riis, *An Introduction to Etruscan Art*, стр. 118, рис. 49, 64.

латинские пункты (там же, стр. 119). Литературная традиция согласуется с археологическими свидетельствами: как сообщает Варрон, образцы, по которым изготовлялись украшения римских храмов, следует искать в Этрурии (Варрон у Plin., N.H., 35, 154; Liv., I, 56, 1).

Этруская живопись знала также рабов. В Tomba degli Auguri в Тарквиниях, рядом с двумя цирковыми борцами, различаются фигуры судьи поединка, зрителя и двух маленьких рабов⁵⁴. Гробница и изображения на ней относятся ко второй половине VI в. В Tomba Golini I в Орвьето (V в.) изображены рабы в качестве слуг божеств подземного царства (Ducati, ук. соч., табл. 19,21). Домашние рабы, прислуживающие во время пиршеств, встречаются на росписях различных этруских гробниц: в Tomba del Triclinio (1-я четверть V в.) (Weege, ук. соч., стр. 57, рис. 54), в Tomba della Caccia e Pesca (около 520 г.) (там же, стр. 63 сл., рис. 58—60); в Tomba dei Vasi dipinti (конец VI в.) (там же, табл. 66). Последнистри гробницы происходят из Тарквиний. На росписи Tomba delle Bighe (там же, прилож. II) изображены этрусские военные и гладиаторские игры начала V в. Для подтверждения выдвинутых тезисов следует еще привлечь керамические находки греческого происхождения, относящиеся к VII — началу VI в.

Присутствие этрусов в Лации засвидетельствовано археологически, как мы видели, с VII в., если не с более раннего времени. Этрусские домашние урны раннего железного века были обнаружены в области Альбы Лонги и в Старых Фалериях⁵⁵. Уже упомянутые исследования Блекуэя показали, что примерно в то же самое время в Цере, Тарквиниях и Вейях работали греческие художники и мастера, особенно в области гончарного производства и в изготовлении украшений для храмов. В Пиргой — городе-порте Цере греки обладали даже постоянным местом для торговли, причем вывозившиеся отсюда изделия достигали районов, расположенных далеко за северными границами области греческих поселений в Италии. При анализе социально-экономической структуры Южной Этрурии и Лация необходимо, таким образом, выделить и принять во внимание еще один компонент. Греческие ремесленники приносили с собой на новую родину свои трудовые навыки, технику, свои производственные методы. Поэтому следует привлечь также источники, содержащие сведения о производстве предметов материальной культуры в Коринфе и Аттике того же времени.

Важнейшие свидетельства этого характера дают в первую очередь коринфские расписные глиняные блюда VII в.⁵⁶. На них нанесены изображения, относящиеся к различным трудовым процессам в гончарных мастерских. В большинстве случаев изображаются двое людей перед горячей гончарной печью. Представляется очевидным, что более молодой из них, выполняющий более тяжелую физическую работу, является рабом. На других изображениях встречается рабочий или раб, раздувающий огонь в печи, мешая угли длинным крюком⁵⁷. На некоторых изображениях он, по-видимому, выгребает печь (Antike Denkmäler, II, 2, табл. 7a). На других — фигурируют люди, работающие в яме, вероятно, для вы-

⁵⁴ P. D u c a t i, Die etruskische-italo-hellenistische und römische Malerei, Wien, 1941, табл. 5; F. W e e g e, Etruskische Malerei, Halle, 1921, табл. 93; F. P o u l s e n, Etruscan Tomb Paintings, Oxf., 1922, рис. 4.

⁵⁵ G i g l i o l i, ук. соч., табл. 3, 3—4; 4, 4 в форме «casa rettangolare».

⁵⁶ Ср. F. M. H e i c h e l h e i m, Wirtschaftsgeschichte des Altertums, I, стр. 267, 268 сл.

⁵⁷ «Antike Denkmäler», I, 1: табл. 8, 1; 8, 4; 8, 12; 8, 21; 8, 26; II, 2: табл. 23, 13b; II, 4: табл. 39, 13; 40, 9; ср. «Gaz. arch.», 6 (1880), стр. 105 сл.; «Jahrb. d. Inst.», 12 (1897), стр. 19, рис. 9.

емки глины⁵⁸. На некоторых блюдах изображены работы в рудниках и каменоломнях⁵⁹.

Для Коринфа VII и VI вв. применение рабов в хозяйстве не составляло чего-либо нового. Правда, развитие рабства происходило еще в узких рамках, и оно не было единственной основой производства. По-видимому, коринфские гончары, поселявшиеся в областях Южной Этрурии, организовывали свое производство на тех же основах, что и в метрополии⁶⁰. Можно привлечь также свидетельство аттической керамики. На аттической гидрии первой половины V в. изображены рабы на земляных работах⁶¹, забивающие в землю столбы. На краснофигурном сосуде, найденном в Вульчи, имеется превосходное изображение литейной мастерской; и здесь рядом с мастером мы находим трудящихся рабов⁶². Несомненно, этруски и греки торговали друг с другом, когда еще не было ни одной греческой колонии в Южной Италии и Сицилии. Уже «Теогония» Гесиода, которая еще ничего не сообщает о греческих колониях в Южной Италии, упоминает этрусков⁶³, а в «Трудах и днях» описывается греческая торговля в Восточном Средиземноморье (Hes., Erg., 646 сл.). Греческие изделия геометрического стиля и подражающие им, относящиеся ко времени, значительно более раннему, чем основание древнейших греческих колоний в Италии и Сицилии, найдены в многочисленных местах Средней Италии. Таким образом, археологические находки подтверждают литературную традицию.

Для Этрурии довольно точно можно установить, какие сосуды были импортированы, какие являются подражаниями местных ремесленников и какие были изготовлены греческими ремесленниками в самой Этрурии⁶⁴. Импорт устанавливается с уверенностью для Вульчи, Терни, Ветраллы, Леприньяно, Вей, Рима, Фалерий, для фалисской области, а кроме того для Тарквиний и Цере⁶⁵. Известны вазы из Цере, Тарквиний и Вей, изготовленные поселившимися там греческими ремесленниками. Их отличает от импортированных только качество глины и характер обжига; формы этих ваз и украшения на них те же, что и у ввезенных ваз (Blakeway, ук. соч., стр. 201 сл.).

Исследования А. Блекуэя показали, что некоторые из находок можно датировать временем вплоть до IX в.⁶⁶ Таким образом, уже с этого времени, задолго до основания Кум, в некоторых этрусско-фалисских городах существовали греческие мастерские. С начала VIII в. усилился

⁵⁸ Ср. Н. Р а у н е, Necrocorinthia, Oxf., 1931, рис. 41; «Antike Denkmäler», I, 1: табл. 8, 23.

⁵⁹ E. P f u h l, Malerei und Zeichnung der Griechen, т. III, München, 1923, рис. 186; «Antike Denkmäler», II, 2: табл. 14, 17; ср. С. Т о р г, «Arch. Anz.», 10 (1895), стр. 171; «Jahrb. d. Inst.», 12 (1897), стр. 239, рис. 35; «Antike Denkmäler», II, 4: табл. 39, 21.

⁶⁰ Об использовании рабов в керамическом производстве ср. E. N a c h m a n s o n, Vulci, Stockholm, 1928, рис. 3; другие изображения керамических мастерских на коринфских пинаках: P f u h l, ук. соч., рис. 187; D u m o n t - C h a p l a i n, Les céramiques de la Grèce propre, I, табл. 21, 2; «Antike Denkmäler», I, 1: табл. 8, 6a; 8, 6b; 8, 14a; 8, 14b; 8, 15; 8, 17; 8, 18; 8, 19b; 8, 22; II, 2: табл. 23, 15в; 24, 19; II, 4: табл. 40, 21a. «Jahrb. d. Inst.», 12 (1897), стр. 26, рис. 15, 44, 74 сл.; Benndorf Festschrift, 1898, стр. 75; «Annali dell'Inst.», 54 (1882), стр. 182 сл.; табл. U, 1—6.

⁶¹ F u r t w ä n g l e r — R e i c h h o l d, Griechische Vasenmalerei, München, 1904—1932, сер. 2, табл. 77, 2; 2 часть текста и серии 2, стр. 94 сл.

⁶² F u r t w ä n g l e r — R e i c h h o l d, ук. соч., сер. 3, табл. 135; текст к сер. 3, стр. 81 сл.; E. B u s c h o r, Griechische Vasenmalerei, 2, München, 1914, рис. 128; N a c h m a n s o n, ук. соч., рис. 22.

⁶³ H e s., Theog., 1015 сл. Этот фрагмент является дополнением к «Теогонии», однако он с уверенностью датируется VI в. до н. э.; ср. A l t h e i m, Römische Religionsgeschichte, I, Baden-Baden, 1951, стр. 146 (там же ссылки на литературу).

⁶⁴ A. B l a k e w a y, «Brit. School at Athens», 33 (1932/1933), стр. 172 сл.

⁶⁵ B l a k e w a y, ук. соч., стр. 193—198.

⁶⁶ B l a k e w a y, JRS, 25 (1935), стр. 134 сл.

торговый обмен между Грецией и Этрурией. В этой торговле участвовали Киклады, Крит, Коринф и восточная Греция. Затем в течение всего VII в. господствующее положение в торговле с Италией занимал Коринф⁶⁷. С последней четверти VII в. аттические товары также поступают на этрусский рынок, причем туда раньше, чем в Сицилию⁶⁸.

Какие интересы уже столь рано вели греков в Этрурию? В первую очередь их привлекали богатые этрусские рудные месторождения (железо и медь). Греки стремились получить требовавшиеся им металлы в обмен на собственную продукцию. Т. Дж. Данбебин характеризует это стремление следующим образом: «население Этрурии представляло лучший рынок, чем варварские народы Южной Италии и Сицилии, и производило металлы, в которых нуждались греки» (там же, стр. 3; ср. стр. 8, 23 сл.). Этрусский экспорт в Грецию так же, как в Сицилию и Южную Италию, начался примерно около конца VIII в. Но за исключением торговли металлами, его объем был гораздо более узким, чем размеры греческой торговли с Этрурией. В Греции не найдено ни одной этрусской монеты⁶⁹. Мы располагаем сведениями о наличии в Греции и Сицилии лишь нескольких этрусских посвященных даров, металлических предметов и ваз. Места всех этих находок расположены не дальше района Киклад⁷⁰. В настоящем разделе нам представлялось необходимым указать на многочисленные примеры единой социально-экономической структуры Южной Этрурии и Лация VIII—VII вв. Торговля, как мы видели, являлась фактором, связывавшим названные области с миром Восточного Средиземноморья.

Греки и этруски значительно опередили римлян и латинян в общественном развитии. Тесное же соприкосновение с греко-этрусской цивилизацией ускорило процесс общественного развития в Риме и Лации. Правда, ни этруски, ни греки не привнесли в Рим рабства; но можно все же предполагать, что внешнее воздействие значительно ускорило темпы развития рабства в Риме. Археологические свидетельства косвенно подтверждают представления историков древнего мира относительно слабого развития рабства в древнейшем Риме. Естественно, что временное отпадение Рима в V в. от этрусской и греческой сфер влияния должно было повлечь за собой тяжелые экономические, политические и культурные последствия для древнейшего Рима.

II. УПАДОК МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РИМЕ (V в.)

Для большей части V в. раскопки в Риме дают совершенно иную картину. По сравнению с VI в. для V в. можно говорить о почти абсолютном отсутствии каких-либо археологических памятников. Ни одна могила на Эсквилине не может быть безоговорочно датирована временем между 500 и 350 гг.⁷¹. Однако в отношении датировки могил существует два про-

⁶⁷ B l a k e w a y, ук. соч., стр. 136 сл., 139 сл., 145 сл.; Н. Р а у н е, «Necrocorinthia», стр. 189; о влиянии греческой Южной Италии на Этрурию ср. также Е. C i a s e r i, «Klio», 23 (1930), стр. 457 сл.

⁶⁸ Т. J. D u n b a b i n, The Western Greeks, Oxf., 1948, стр. 241 сл.

⁶⁹ G. K a r o, «Arch. Eph.», 1937, стр. 317.

⁷⁰ Посвященный дар храму Зевса в Олимпии: Р а u s a n., V, 12, 5; сокровищница Цере в Дельфах: S t r a b o, V, 220; указания на другие примеры см. К а r o, ук. соч., стр. 317 сл.; ср. D u n b a b i n, ук. соч., стр. 25, 76, 78 сл. Автор предполагает, что одной из статей этрусского экспорта были рабы; об этрусско-карфагенской торговле см. ук. соч. этого автора, стр. 253; об этрусско-сицилийской торговле: — там же, стр. 105, 179, 253 сл.; E. K u n z e, Etruskische Bronzen in Griechenland, Studies presented to D. M. Robinson, I, Saint Louis, 1951. Эта книга, к сожалению, оказалась мне недоступной.

⁷¹ R y b e r g, An. Archaeological Record..., стр. 51.

тивоположных мнения. Г. Пинца предполагал, что часть эсквилинских могил можно все же датировать V в.⁷² Могилы конца VI и первой половины V в. нельзя разграничить с точностью, поскольку в первой половине V в. не появилось какой-либо новой техники в керамическом производстве, а также новых типов керамики. Очевидно, это было результатом временной изоляции Рима от этрусской и греческой сфер. На этом основании он считал возможным отнести примерно 40 эсквилинских могил к концу VI и первой половине V в. (Ryberg, ук. соч., стр. 51).

Эту гипотезу оспорил Дун⁷³. Он предположил, что могилы V в. еще не открыты, может быть, потому, что они расположены в большем отдалении от городских холмов. Он считал, что содержание названных Пинца 40 эсквилинских могил не дает никаких оснований для их поздней датировки; в них находятся, в частности, более ранние фрагменты керамики, которые должны быть отнесены к VII и VI вв. (Ryberg, ук. соч., стр. 51). Более новые исследования стремятся выяснить причины отсутствия могил на Эсквилине в первой половине V в., исходя из политико-культурного и экономического положения Рима в это время (там же, стр. 51). Предположение Г. Пинца заслуживает в одном отношении особого внимания: новый стиль и новая техника керамического производства, а также обработка бронзы действительно появились в Риме около конца IV в., когда Рим вступил в тесные отношения с процветающей кампанской территорией^{73а}. Таким образом, оказывается вполне возможным, что на эсквилинском некрополе имеются могилы, относящиеся к первой половине V в., хотя названные Пинца 40 могил, по-видимому, не принадлежат к их числу. Но более ранние данные раскопок эсквилинского некрополя настолько неполны, что практически невозможно провести резкое разграничение между концом VI и первой половиной V в. (Ryberg, ук. соч., стр. 51 сл.). Хотя только немногие археологические свидетельства можно датировать V в., И. С. Райберг предполагает, что эсквилинский некрополь использовался в течение всего V в. (там же, стр. 52 сл.). Немногочисленные свидетельства этому дают отдельные находки из могил IV и III вв. Поскольку способы погребения и формы могил не изменились в течение этих двух столетий, а кроме того, не выяснены отличительные признаки для разграничения керамики конца VI и начала V в., определение датировки эсквилинских могил сильно затруднено. От находок VI в. отличается несколько аттических краснофигурных ваз и терракотовых фигурок; однако они относятся только ко второй половине V в. (там же, стр. 52—63). Посвятительные предметы из хранилищ Квиринала, а также отдельные находки с Эсквилина, с Комиция, из района вокруг Lapis Niger и из Регии (там же, стр. 64 сл., 68 сл., 71 сл., 73 сл.) дают такую же картину. За исключением обычных аттических товаров, все находки V и начала IV в. являются в отношении стиля и форм подражаниями более древним образцам: италийско-геометрическому, протокоринфскому и коринфскому, местному буккеро или чернофигурной керамике. Все эти стили были известны в Риме уже в царский период.

Редкость для V в. аттической краснофигурной керамики не является характерной только для Рима. С подобным явлением мы встречаемся в латинских и фалисских местностях (там же, стр. 74 сл.). Раскопки в Пренесте, где некрополь использовался в течение длительного периода, дали для V в. только три краснофигурных вазы и ни одного нового

⁷² G. Pinza, «Bull. Comm. Arch. Comun.», 41 (1912), стр. 25 сл.

⁷³ Duhn-Messerschmidt, ук. соч., стр. 481 сл.; ср. G. Säfllund, Le mura di Roma repubblicana (Acta Inst. Rom. Reg. Suec.), I, Lund, 1932, стр. 149.

^{73а} H. Gummerus, RE, Industrie und Handel, XVIII Hb., стб. 1381 сл.

типа собственной местной керамики. Аналогичную картину дают раскопки в Габиях, Каракупе, Сатрике, Ардее, Праттика ди Маре, Капене, Нарче, Фалериях, Борчиано, Непи, Виньянелло, Орбетелло, Соване, Риньяно, Фламиньо, Бьеде, Питильяно и Цере (там же, стр. 75—76, прим. 139). В Этрурии аттический краснофигурный стиль также не вытеснил в V в. более древние чернофигурные вазы. Архаизированные тяжелые сосуды буккери и подражания более ранним аттическим образцам были найдены в Популонии, Сьене, Вейях, Тарквиниях, Орвьето и Ветулонии (там же, стр. 75 сл., 80, прим. 142).

Итак, сравнение среднеиталийских и римских находок V в. свидетельствует, что невозможно установить четкое отличие периода конца VI в. от времени начала V в., так же как и в отношении конца V и начала IV в. Более того, из археологических данных вырисовывается картина продолжительного упадка и застоя римской экономики и культуры в первой половине V в. Греческое влияние в керамике, проникавшее при посредстве этрусков вплоть до начала VI в., постепенно шло на убыль и на какой-то период потеряло всякое значение. Политические и достоверные военные события этого времени позволяют понять новую ситуацию (там же, стр. 79 сл.). После изгнания Тарквиниев Рим, как известно, оказался на десятилетия изолированным от этрусской цивилизации. Вначале намечился поворот к восприятию греческого влияния, но последнее не могло надолго заменить этрусские связи. В связи с установлением Республики в течение последующих двух десятилетий еще сооружались храмы греческих богов; возможно, их строительство было запланировано еще Тарквиниями. Затем почти на столетие прекратилась всякая крупная строительная деятельность⁷⁴. Строительная техника, как показывают немногие сохранившиеся руины, также оставалась неизменной в конце VI и в V в.⁷⁵ Таким образом, данные о неизменяемости обряда захоронения, постоянстве керамических форм и технике производства бронзы дополняются свидетельством о прекращении строительных работ в Риме в V веке.

Следствие изоляции, в которой очутился Рим после изгнания Тарквиниев, он во всем вынужден был полагаться на собственные силы. Однако он оказался не в состоянии создать что-либо новое и вернулся к старым испытанным образцам, в которые до конца IV в. еще пытались вдохнуть новую жизнь. Затянувшиеся внутренние и внешние конфликты, войны с этрусками, вольсками и эквами, борьба между патрициями и плебеями требовали напряжения всех сил. В этих условиях было не до оригинальной созидательной деятельности.

III. ДАННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ И ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ О РАБСТВЕ В ДРЕВНЕЙШЕМ РИМЕ

Следует начать с доримского времени. Ромул и Рем, как свидетельствует легенда, жили как несвободные пастухи среди других пастухов и рабов. Они собирают вокруг себя таких же пастухов и рабов и становятся их предводителями. Источники дают нам возможность полагать, что в числе древнейших жителей Рима определенно были беглые рабы⁷⁶.

⁷⁴ R y b e r g, ук. соч., стр. 80; ср. T. F r a n k, *Rome and Italy of the Republic*, 1933, стр. 3—5, 24.

⁷⁵ G j e r s t a d, *Early Rome*, I, 1953, стр. 23 сл., 130; F r a n k, *ESAR*, I, стр. 4, 5; H ü l s e n, *Capitolium*, R E. t. VI, стб. 1535; F r a n k, *Roman Buildings...*, стр. 51 сл.; P l a t n e r - A s h b y, *A Topographical Dictionary...*, стр. 109 сл.; B l a k e, *Ancient Roman Construction...*, стр. 120 сл.; F r a n k, *Proc. Amer. Phil. Soc.* 70(1931)стр. 193 сл.

⁷⁶ Напр., D i o n. H a l. I, 4, 2; P l u t., *Rom.*, 6; рабы Амулия: D i o n. H a l. I, 79, 4; рабы в качестве Numitor: D i o n. H a l. I, 85, 3; рабы Тарпеи: D i o n. H a l. II, 38, 4.

Греческие авторы применительно к древнейшему периоду употребляют выражения *οἰκέτης*, *ἀνδράποδος* и *δοῦλος*, твердое словоупотребление отсутствует ⁷⁷. Позднее, в латинских источниках, появляется *servus*. Свинопасы Латина, Фавстул, называемые *magister regii pecoris*, напоминают нам гомеровского свинопаса; своим появлением именно они обязаны этому образцу ⁷⁸. Грани между несвободными пастухами и рабами расплывчаты, и различию между ними не придается никакого значения.

Дионисий Галикарнасский, к собственному удивлению, оказался противником мнения, будто бы Рим имеет бесславное и низкое происхождение (*Dion. Hal.*, I, 4, 1). Он стремился опровергнуть воззрения, согласно которым основатели Рима были людьми без родины, бродягами, варварами и — как он определенно отмечает — также рабами ⁷⁹. В действительности же историография древних дает нам здесь единую картину. Согласно общему мнению, древнейшее население Рима рекрутировалось из *latrones*, *convenae*, а также из *servi* ⁸⁰. Нет необходимости останавливаться на мифологических рассказах о древнейшей истории Рима, как они передаются анналистикой. Они не могут представлять для нас основного интереса. Источники подлинно исторического значения начинаются лишь с этрусских надписей, с древнейшего римского календаря празднеств, с основания храмов во время господства Тарквиниев в Риме. Поэтому в качестве примерной исходной точки исследования должны быть избраны середина и вторая половина VI в. до н. э., время, когда господствующий в Риме этрусский род достиг наибольшего могущества. Вместе с тем я далек от мысли относить решающий поворотный пункт, начало новой эпохи или чего-нибудь подобного ей ко второй половине VI в. Речь идет только об ограничении области исследования. Итак, мы сосредоточиваем внимание в первую очередь на конце Царского времени и начале Республики.

Как только римские историки доходят до середины VI в., т. е. времени, когда этруски достигли наивысшего господства в Риме, картина рабства оказывается в их изображении изменившейся. Здесь мы встречаемся с новым моментом в развитии рабства — порабощением чужеземцев. Военнопленные в качестве добычи после успешных кампаний выступают на первый план. По сообщениям древних авторов, после каждого похода часть пленных порабощалась ⁸¹. Мужчины — если их не убивали — продавались в чужие края; женщины и дети, напротив, приводились в Рим ⁸². Тарквиний Приск передал своей жене Танаquil в качестве *ancilla* Окризию из Корникуля, военнопленную рабыню из своей части добычи ⁸³. После завоевания Фиден у фиденатов отобрали их *χρήματα καὶ ἀνδράποδα*

⁷⁷ *Cp. Plut., Rom.*, 7; *Dion. Hal.*, I, 85, 3.

⁷⁸ *Dion. Hal.*, I, 70, 2; *Liv.*, I, 4, 6; *cp. G. Micknat, Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte*, I. Homer, Mainz, 1954, стр. 52 сл.

⁷⁹ *Dion. Hal.*, I, 4, 2; I, 89, 1; VII, 70, 1; стр. I, 5, 1; кроме того *Liv.*, I, 4, 9; *Eutr.*, I, 1; *Cic.*, *De rep.*, II, 2, 4; *De orat.*, I, 9, 37; *Liv.*, II, 1, 4; V, 53, 9; *Iuv.*, *Sat.*, VIII, 272—275; *Iustin.*, XXVIII, 2, 8; XXXVIII, 7, 1.

⁸⁰ *Cic.*, *De rep.*, II, 2, 4; *De orat.*, I, 9, 37; *Liv.*, II, 1, 4; *Iustin.*, XXVIII, 2, 8; XXXVIII, 6, 7; *latrones* первоначально имели значение «слуг», «наемников», со времени Цицерона под *latro* понимается также «разбойник», «грабитель на большой дороге», последние подразумеваются также в данном тексте.

⁸¹ *Dion. Hal.*, V, 47, 1; VI, 42, 3; VIII, 12, 2; VIII, 16, 5; VIII, 20, 3; *cp. также Dion Hal.*, III, 2, 4; III, 26, 4; VI, 17, 2.

⁸² *Dion Hal.*, III, 49, 3; III, 56, 4; *cp. также Dion Hal.*, III, 51, 1; III, 57, 5; III, 66, 2; IV, 50, 4; 51, 4; V, 49, 5.

⁸³ *Dion Hal.*, IV, 1—2; *Liv.*, I, 39, 5; *Ovid.*, *Fast.*, VI, 627 сл.; *Plin.*, NH, XXXVI, 204; *Arnob.*, V, 18; *Cic.*, *De rep.*, II, 21, 37; *Iustin.*, XXXVIII, 6, 7.

(Dion. Hal., V, 43, 1). Определенно отмечается, что плебеи также могли вступать во владение рабами ⁸⁴.

Вместе с возникновением рабства чужеземцев меняется и представление о рабе. Если в старое время преобладал образ верного, честного слуги, надежного домохозяина, не оставляющего своего господина в нужде и опасности, слуги, у которого в отношении к господину преобладала *fides* ⁸⁵, то чужеземный раб характеризуется древними как ненадежный, как доносчик, мятежник и перебежчик. Он строптив и пытается убежать, как только представляется для этого возможность. Так, один раб открыл консулу Бруту связи патрицианских юношей с изгнанным Тарквинием Гордым (Dion. Hal., V, 10, 4; ср. Plut., Popl., 4—7). А когда предводительствуемое Порсенной этрусское войско приближалось к Риму, консулы приказали римским гражданам, жившим вне города, перевезти в безопасное место их движимое имущество, прежде всего скот и рабов (Dion. Hal., V, 22; подобный случай — Dion. Hal., VI, 3, 1). Несмотря на эту предосторожность, большинству рабов удалось перебежать к этрускам (Dion. Hal., V, 26, 3). То же самое повторилось во время первой сецессии плебеев; снова многочисленные рабы покинули своих господ (Dion. Hal., VII, 1, 2). В 501 г. несколько рабов сговорились занять городские высоты и поджечь дома в различных местах городской территории (Dion. Hal., V, 51, 3). Рабы, клиенты и друзья сабинянина Аппия Гердония собрались в 461 г. под его руководством и заняли скалу Капитолия. Он призвал рабов римлян к участию в затеянном им заговоре и обещал им свободу (Liv., III, 15—18).

Соответственно изменилось и обращение с рабами. Впервые мы встречаемся с наказаниями для них. Якобы по требованию Юпитера консулы 491 г. оказались вынужденными повторить *ludi*. Наказанный бичеванием раб был избит перед торжественным шествием; это зрелище не понравилось богу, и он пригрозил тяжелыми бедствиями, в случае если игры будут повторены (подробно у Dion. Hal., VII, 68 сл.; Liv., II, 36, 1).

Картина, рисуемая литературными источниками, создает, таким образом, определенное впечатление, что с конца Царского периода и в начале Республики рабы происходили из чужеземцев и рекрутировались из рядов военнопленных; в этом случае, естественно, меньше всего можно было рассчитывать на их верность. Разумеется, процесс порабощения чужеземцев не начался с 550 г. до н. э., зародился этот институт, очевидно, столетием раньше ⁸⁶. Однако то, что прежде было исключением, теперь превратилось в правило и определяло картину рабства.

Возникает вопрос: приобретались ли рабы уже в это время посредством купли и продажи, посредством работорговли? Когда Дионисий Галикарнасский сообщает в своей четвертой книге о реформах Сервия Туллия, он описывает, как римлянам доставались их рабы (Dion. Hal., IV, 24, 2 сл.). Дионисий стремится доказать, что римляне становились владельцами рабов справедливым путем. Частные лица могли приобрести рабов на государственной распродаже военной добычи. Однако предводитель войска мог разрешить тем, кто захватил военнопленных во время

⁸⁴ Dion. Hal., II, 28, 3; Dion. Hal., VI, 74, 2, отмечает, что после завоевания Суэссы все, в том числе и плебеи, получили в качестве добычи *ἀνδράποδα καὶ βοσκήματα*.

⁸⁵ У Liv., I, 51, 8, рабы защищают жизнь своих господ от их врагов; Plut., Coriol., XXIV, 8, отмечает необычно мягкое обращение с рабами в древнейшем Риме. Ср. об этом также Sen., Ep., 47, 14: он приравнивает *servi* ранперимского времени к *familiares*. О месте рабов в сатурналиях, матроналиях и компиталиях см. ниже.

⁸⁶ По Dion. Hal., II, 28, 1—3 и Plut., Num., 16, Ромул и Нума предоставляли все сферы деятельности, за исключением земледелия и военной службы, *δοῦλοῖς καὶ ξένοις*.

похода, удержать их в качестве рабов. Третья возможность состояла в том, что граждане покупали себе рабов у лиц, владевших таким количеством военнопленных, которое превышало их потребности. Дионисий неоднократно сообщает о продаже в рабство всего оставшегося в живых населения завоеванного города⁸⁷. Остается неясным, продавались ли эти пленные иностранцам, т. е. перимлянам. Характерно, что не упоминается профессиональная работорговля. Итак, мы видим, что война, а не порабощение, была в Риме VI в. единственным источником рабства.

Имеются единичные указания относительно профессий, в которых были заняты рабы. Очевидно, уже при Ромуле или Нуме все виды деятельности, кроме земледелия и службы в войске, выполнялись рабами и иностранцами. К началу Республики, как передает историческая традиция, рабы были заняты также в сельском хозяйстве. Земля, скот и рабы упоминаются рядом как составные элементы частной собственности (Dion. Hal., VIII, 19, 5). Когда после первой сецессии плебеев в Риме не хватало зерна и гражданам угрожал голод, то эта опасность не могла быть устранена путем возобновления работы крестьянами, так как вследствие бегства многих *δοῦλοι* отсутствовала весьма ценная рабочая сила (Dion. Hal., VII, 1, 2). В уже упоминавшемся рабском заговоре 501 г. наряду с домашними рабами принимали также участие сельские рабы (Dion. Hal., V, 51, 3).

Не считая сообщений Дионисия Галикарнасского (II, 28, 1—3) и Плутарха (Num., 16), в литературных источниках совершенно отсутствуют данные о том, были ли заняты рабы в ремесле и каким образом.

Если чужеземцы вследствие их захвата в плен превращались в рабов, то после последующего освобождения они могли становиться римскими гражданами. Принятие чужеземцев в римскую гражданскую общину предание относит ко времени еще до начала Рима. Бесправные чужеземцы, бежавшие с чужой территории рабы, беглецы из других городов получали римское гражданство, если они вверяли себя убежищу, посвященному богу *Lucoris*, которое находилось на вершине Капитолия — *inter duos lucos*⁸⁸. Поэтому жителей древнейшего Рима бранили как *ἀνεστίτους καὶ πλάνητας* <καὶ> *βαρβάρους* (Dion. Hal., III, 10, 4 сл.). Традиция добавляет к этому, что Сервий Туллий признал отпущенных на волю рабов законными и полноправными гражданами (Dion. Hal., IV, 22 сл.). Если до этого численность города увеличивалась, по Дионисию, благодаря дарованию гражданских прав чужеземцам, то теперь количество граждан должно было возрасти путем отпуска на волю заслуженных рабов.

Предание о начале Рима подтверждает эту картину. По Плутарху, будто бы не Марс был отцом Ромула, но будущего основателя Рима зачал с рабыней в доме Тархетия из Альбы Лонги фалл, многократно показывавшийся в огне очага⁸⁹. В качестве отца Ромула выступает, таким образом, *Lar familiaris*. Традиция умалчивает о том, была ли эта рабыня чужеземкой. Во второй легенде—о рождении Сервия Туллия—мы встречаемся с военнопленной из Корникуля, которая была матерью Сервия Туллия. Окризия, рабыня Танаквил, принесла жертву домашнему алтарю, когда ей в пламени очага явился фалл. По приказанию

⁸⁷ Dion. Hal., VI, 29; VIII, 18, сообщает также о том, что полководец распределял военную добычу, в том числе рабов и вольноотпущенников, среди воинов, не сдаяв ничего в государственную казну

⁸⁸ Пизон у Serv., Aen., II, 761; Dion. Hal., II, 15, 4; Liv., I, 8, 5; Plut., Rom., 9; Strabo, V, 3, 2; Ovid., Fast., III, 431; ср. также Vell. Pat., I, 8, 5; Flor., I, 1, 1; Schol. Juven., VIII, 273; об этом Altheim, Römische Religionsgeschichte, т. I, стр. 175 сл.; он же, Römische Geschichte, II, стр. 80, 223—228.

⁸⁹ Plut., Rom., 2; ср. G. Wissowa, Religion und Kultus der Römer², стр. 169.

своей госпожи, она, украсившись, как невеста, вернулась в помещение для очага. Там *Lar familiaris* в образе фалла зачал с ней будущего царя Сервия Туллия⁹⁰.

Переходим к рассмотрению тех данных о рабах, которые дает нам римский календарь празднеств. Как известно, римский календарь празднеств содержится в ряде надписей. Эти надписи относятся к небольшому периоду времени — незадолго до реформы календаря Цезарем и вплоть до правления Клавдия (ср. Altheim, *Röm. Geschichte*, т. II, стр. 22 сл.). В 1863 г. Т. Моммзен опубликовал его в I томе «*Corpus Inscriptionum Latinarum*», *Fasti anni Juliani*. В них можно видеть две группы записей: одна выполнена крупными черными прописными буквами и образует основную часть календаря. Другая группа, выполненная более мелким красным шрифтом, содержит позднейшие дополнения.

Данные, сообщаемые первой группой, содержат древнейший римский распорядок празднеств. В этот распорядок введено более тридцати божеств. Капитолийская Троица Юпитер — Юнона — Минерва еще отсутствует, отсюда получаем *terminus ante quem*⁹¹; первый год Республики — 510—509 или 508—507. В соответствии с традицией, консул первого республиканского года М. Гораций освятил храм⁹², таким образом, год освящения совпадает с первым годом Республики. Так как среди богов присутствует Квири́н, в качестве *terminus post quem* получаем время присоединения Квиринала к городской территории. Кроме того, ко времени введения календаря форум должен был уже превратиться в место собраний для обсуждения общественных дел. В соответствии с результатами новейших исследований это событие относится ко времени около 570 г. до н. э.⁹³ Так как упоминание о *Capitolium vetus* на Квиринале также еще отсутствует в календаре, наиболее вероятной датировкой последнего можно считать конец второй половины VI в. Этот вывод можно привести в соответствие также с литературной традицией. М. Юний Гракхан (у Цензурина, *De die nat.*, 20, 4) приписывает одному из Тарквиниев введение древнейшего календаря празднеств.

Скудные сведения древнейшего календаря разъясняются с помощью более поздних данных. Сюда относится прежде всего повторная запись календаря, сделанная более мелкими буквами и включающая дополнения. Поскольку среди дополнений появляется Капитолийская Троица, возможно, что эти дополнения были сделаны в начале Республики. Пренестинские фасты Веррия Флакка имеют характер настоящего комментария к календарю. Эти данные пополняют сакрально-правовая литература, которая представлена у Варрона, в лексиконе Феста, в фастах Овидия, не говоря уже о более поздних источниках. Весь этот материал позволяет — при условии тщательного учета ценности отдельных данных как источ-

⁹⁰ Plin., NH., XXXVI, 204, называет *Lar familiaris* отцом Сервия Туллия; ср. F. Altheim, *Griechische Götter im alten Rom*, Gießen, 1930, стр. 51 сл., 65, 176 сл.; E. Tabeling, *Mater Larum*, Frankfurt a. M., 1932, стр. 62, 83.

⁹¹ Th. Mommsen, *Römische Geschichte*, I, 1888, стр. 162; Wissowa, ук. соч., стр. 34; Altheim, *Römische Religionsgeschichte*, I, стр. 84 сл.; K. Hanell, *Das altrömische eponyme Amt*, Lund, 1946, стр. 99 сл.; L. Wenger, *Die Quellen des römischen Rechts*, Wien, 1953, стр. 337. Иначе A. Kirsopp Michels, «*Transact. and Proceed. of the Amer. Phil. Ass.*», 80 (1949), стр. 320 сл., которая пытается датировать календарь временем децемвиров.

⁹² По вопросу о политической форме правления в начале Республики ср. интересное исследование С. Gioffredi, *Rex, Praetores e Pontifices nella evoluzione dal Regno al Regime Consolare*, «*Bull. Comm. Arch. Comm.*», 71 (1947), стр. 129 сл., в особенности стр. 131 сл.

⁹³ Ср. Gjerstad, *Early Rome*, I, стр. 73. О присоединении Квиринала как *terminus post quem* см. Wissowa, ук. соч., стр. 34; Altheim, *Röm. Religionsgeschichte*, II, стр. 7.

ника — получить представление об историческом периоде, к которому относится запись древнейшего распорядка празднеств.

Рабы и вольноотпущенники встречаются при отправлении различных древнейших культов, как публичных, так и частных. В этом отношении особенно выделяются празднества, относящиеся к кругу древних божеств — матери земли, плодородия и к культу мертвых. В описаниях этих торжеств примечательно то, что рабы все еще являются честными, прилежными и верными домохозяевами. Рассмотрим некоторые празднества. *Feriae publicae* 11 июня были посвящены *Mater Matuta*. Рабыни не должны были входить в храм богини (Ovid., *Fast.*, VI, 481; VI, 551; VI, 558). Их исключение из празднества ежегодно подкреплялось в соответствии с древними ритуальными правилами определенным обычаем: в день празднества женщины вводили одну из рабынь в храм, там она подвергалась бичеванию и снова изгонялась (Plut., *Cam.*, 5; он же, *q. Rom.*, 16). Сатурналии 17 декабря, наоборот, справлялись рабами как особенный праздник. *Saturnalibus tota servis licentia permittitur*, — говорит Макробий (Sat., I, 7, 26; ср. Horat., *Sat.* II, 7, 4). В эти дни рабы разделяли трапезу со своими господами⁹⁴; по другим сообщениям, они даже обслуживались последними⁹⁵. Добавочный рацион вина, который отпускался рабам, увеличивал веселье этого дня (Cato, а. с., 57). Варрон сообщает о Ларенталиях, что в этот день, 23 декабря, на могиле Акки Ларенции в Велабре жрецы приносили жертвы душам умерших рабов⁹⁶. К этому остается добавить, что в древнейшие времена на могиле умершего человека в жертву *di inferi* приносились рабы⁹⁷. Таким образом, древнейшие культовые празднества имели в виду также и рабов.

В древнейший календарь не введены Компиталии, праздновавшиеся в конце декабря, так как они принадлежали к *feriae conceptivae*⁹⁸. В противоположность *feriae stativae*, празднествам, которые в распорядке торжеств были установлены раз и навсегда на определенный день, в античной традиции под *feriae conceptivae* понимались «блуждающие» праздники, день которых определялся должностными лицами *cum imperio* или понтификами: *conceptivae (feriae) sunt quae quotannis a magistratibus vel sacerdotibus concipiuntur in dies vel certos vel etiam incertos, ut sunt Latinae...* (Macr., *Sat.*, I, 16, 6). К этому кругу торжеств принадлежат в первую очередь те праздники, которые связаны с зарождением и умиранием в природе, с севом, ростом растений и урожаем: *Sementivae*, *Paganalia*, *Ambarvalia*, *Amburbium* и *Florifertum*.

Первоначально *Compita* обозначали перекрестки дорог, позднее — воздвигнутые на этих перекрестках святилища. Окрестное население каждого *compitum*, включая рабов, праздновало на месте Компиталии, которые посвящались *Lares compitales*, охраняющим перекресток (Dion. Hal., IV, 14, 3 сл.; ср. Cato, *Agr.*, V, 3). Культовые обязанности должны были выполнять рабы, и вообще лары чтились преимущественно рабами и вольноотпущенниками⁹⁹. На этом празднике, как и на упомянутых выше Сатурналиях, рабы пользовались различными свободами (Dion. Hal., IV, 14, 4; ср. Cic., *De Leg.*, II, 11, 27). В деревне вилик приносил жертву ларам (Cato, *Agr.*, V, 3; ср. CIL, I, 2², 1825). В ночь перед праздником на *compita* развешивались куклы (*maniae*) и мячи (*pilae*) из шерсти

⁹⁴ Macr., *Sat.*, I, 11, 1; Serv., *Aen.*, VIII, 319; Justin., XLIII, 1, 4; Hist. Aug. Ver., VII, 5; ср. также Cass. Dio, XL, 19, 3; Macr., *Sat.*, I, 24, 23.

⁹⁵ Athen., XIV, 639 B; ср. Auson., *De fer.*, 15; также Luc., *Saturnalia*, 18.

⁹⁶ Varro, *De l. l.*, VII, 23 сл.; ср. T abeling, ук. соч., стр. 60 сл.

⁹⁷ Tertul., *De spect.*, 12; Verg., *Aen.*, III, 66 сл.; X, 520 сл.; Serv., *Aen.*, III, 67; ср. V, 78; X, 520.

⁹⁸ Varro, *De l. l.*, VI, 25; об этом Wissowa, ук. соч., стр. 168.

⁹⁹ Wissowa, ук. соч., стр. 168; ср. CIL, I, 2², 681, 753 и 1825.

(Paul., Fest., 121 M; 239 M; Macr., Sat., I, 7, 34 сл.) — столько кукол, сколько свободных, и столько мячей, сколько рабов в каждом доме данного *compitum* (ср. Tabeling, ук. соч., стр. 22). Снова рабы выступают в связи с культовым кругом древних божеств матери земли. Они проводили праздники в веселье и радости.

Nonae Caprotinae 7 июля были посвящены Юноне Капротине. Ноны, так же как календы и иды, всегда были праздничными днями; в источниках определенно отмечается, что все они должны были посвящаться Юноне. 7 июля был праздник в честь женского плодородия и одновременно праздник урожая. Под тенистыми деревьями устраивались *θεραπείδες*, и женщин торжественно угощали. Это был общий праздник для *ancillae* и *liberae*¹⁰⁰.

Nonis Iuliis diem festum esse ancillarum

tam vulgo notum est, ut nec origo nec causa celebritatis

ignota sit. Iunoni enim Caprotinae die illo liberae pariter

ancillaeque sacrillicant (Macr., Sat., I, 11, 36 сл.)

Матроналии первого марта были первоначально праздником нового года. Обычай, связанные с празднованием нового года, слились с празднованием матроналий. Один из этих обычаев заключался в том, что римские хозяйки, рабыни и рабы устраивали званый пир (St. Weinstock, RE, т. XIV, 2, стб. 2307). Так постепенно матроналии превратились в подобие декабрьских сатурналий. *Servis cenas adponebant matronae, ut domini Saturnalibus: illae, ut principio anni ad promptum obsequium honore servos invitarent, hi, quia gratiam perfecti operis exsolverunt* (Macr., Sat., I, 12, 7)¹⁰¹.

Рассмотрение празднеств древнейшего календаря доказывает, что рабство существовало. Доказательства существования рабства иноземцев пока не могут быть приведены. Рабы, фигурирующие в культах, во всяком случае нигде не квалифицируются как чужеземцы. Они появляются при отправлении культов еще не как беглецы или затравленные люди, но как явные члены тесной семьи: *ex propriis familiis orti*¹⁰², несколько не чужие по отношению к узкому домашнему кругу. Они органически примыкают к образам тех честных, древних слуг, которых рисует литературная традиция. Мы можем еще уловить здесь архаическую ступень патриархального рабства, которое в более позднее время сильно отступает на задний план.

Изменения в характере рабства впервые отражаются в нескольких культах, которые были добавлены вскоре после завершения редакции календаря древнейшего распорядка празднеств. В то время как древнейший календарь восходит примерно к середине VI в. н. э., таким образом, для этого периода может считаться свидетельством первостепенной важности, добавления к нему начинаются с конца царской эпохи и начала Республики. Ср. культ Капитолийской и Авентинской Троиц: CIL, I, 1², стр. 210 (f. Esq., 19 апреля), стр. 240 (f. Vall., 13 сентября).

13 августа справлялся праздник Дианы¹⁰³. Древнейший пантеон не знает Дианы, тем не менее римская традиция возводит ее культ к царскому времени¹⁰⁴. Варрон называет ее при перечислении так называемых сабинских божеств, которым Тит Таций должен был посвятить алтари (Varro, De l. l., V, 74). Ее главное святилище в Риме находилось

¹⁰⁰ Varro, De l. l., VI, 18; Plut., Rom., 29; ср. также Cam., 33 (Плутарх сводит воедино Nonae Caprotinae и Poplifugia).

¹⁰¹ Solin., I, 35; ср. также Lyd., De mens., III, 15, 22.

¹⁰² Isid., Differentiarum libri, I, 525 (*servi sunt in bello capti, famuli autem...*).

¹⁰³ Dianae in Aventino, CIL, I, 1², стр. 244 (f. Amit.), стр. 240 (f. Vall.); стр. 248 (f. Ant.).

¹⁰⁴ Wissowa, ук. соч., стр. 247 сл.; Altheim, Röm. Religionsgesch., II, стр. 25.

на Авентине¹⁰⁵. Основание этого святилища приписывается Сервию Туллию¹⁰⁶. Святилище Дианы в соседней латинской Ариции моложе ее римского культа, тем не менее известно, что, когда в начале республики латинские племена восстали против римского господства в Лации, этот храм в Ариции превратился в политический центр латинян (Cato, Orig., fr. 58, Peter).

Беглые рабы прибегали к защите Дианы. Поэтому ее праздник особо справлялся также и ими (Fest., 343 M; Plut., Q. Rom., 100). Беглые рабы находили в святилище Дианы временное убежище. В отношении с этим божеством всегда вступали рабы чужеземного происхождения¹⁰⁷. В позднереспубликанское время эту связь могли объяснить только тем, что беглые рабы назывались вследствие быстроты их бегства оленями (servi), которые должны были посвящаться Диане¹⁰⁸. Поскольку современное языкознание с полным правом не придало значения этой игре слов, подлинное отношение рабов-чужеземцев к богине состоит в другом. Оно явствует из сопоставления культа Дианы с культом ее великого образца — Артемиды из Эфеса. Артемиды Эфесская также предоставляла чужеземцам, будь то беглые рабы или преступники, защиту и помощь¹⁰⁹. Но и в культе Дианы из Ариции, более молодом, чем авентинский культ, мы находим связь с чужеземцами. Жрец богини, носивший титул rex Nemogensis, большей частью был беглый раб или просто эмигрант, в любом случае — чужеземец. Он искал убежища в роще и находил его, если он убивал в поединке своего предшественника по жреческой должности¹¹⁰. Право сильнейшего определяло служителя богини, как и вообще среди людей без родины и чужестранцев оно значило больше, чем другие права. Авентинский храм Дианы Дионисий также характеризует как место убежища (Dion. Hal., IV, 26, 3). И по времени праздник богини в Ариции и Риме приходился на один и тот же день (Stat., Silv., III, 1, 60). Отношение богини к рабам выступает еще резче, если учесть, что она была богиней вольной природы, диких зверей (Altheim, Griechische Götter..., стр. 147—150). Этот характер культа Дианы, как покровительницы чужеземцев и беглых рабов, проявляется в Эфесе, Риме и в Ариции как его важнейшая черта (там же, стр. 149, 155).

13 ноября справлялся праздник богини Феронии (Feroniae in Campo, I, 12, стр. 215, f. Arg.). Она почиталась, помимо Рима, в различных местах Средней Италии как богиня заупокойного культа и плодородия; ее происхождение, вероятно, было этрусским (Schulze, ук. соч., стр. 165). Главное святилище богини находилось в Южной Этрурии близ Капены на Соракте¹¹¹, где с праздником богини была связана также ярмарка. Знаменитая роща Феронии с источником и храмом была расположена также вблизи вольесской Таррацины¹¹².

¹⁰⁵ Fest., 343 M.; ср. Censor., De die nat., XXIII, 7; также Prop., IV, 8, 29; Martial., IV, 64, 12.

¹⁰⁶ Fest., 243 M.; ср. Liv., I, 45, 1 сл.; Dion. Hal., IV, 26, 4.

¹⁰⁷ Altheim, Griechische Götter..., стр. 143 сл.; он же, Röm. Religionsgesch., I, стр. 191; II, стр. 33.

¹⁰⁸ Fest., 343 M; Plut., Q. Rom., 100; Altheim, Griechische Götter..., стр. 143—156 (с указаниями литературы и источников).

¹⁰⁹ Strabo, XIV, 641; Tac., Ann., III, 60 сл.; ср. Altheim, ук. соч., стр. 144 сл.

¹¹⁰ Strabo, V, 239; Stat., Silv., III, 1, 55 сл.; Ovid., Fast., III, 271 сл.; Serv., Aen., VI, 136; ср. Wissowa, ук. соч., стр. 248; Altheim, ук. соч., стр. 144 сл.

¹¹¹ Cato, Orig. frg., 30: lucus Capenatis; также Verg., Aen., VII, 697; ср. Strabo, V, 226, который при этом называет имя богини.

¹¹² Horat., Sat., I, 5, 24; Verg., Aen., VII, 800; Plin., NH, II, 146; Tac., Hist., III, 76.

Первое появление культа Феронии в Риме не засвидетельствовано точно. Ливий и Дионисий отмечают, что римляне знали об ее культе уже во времена Сервия Туллия и принимали участие в торговых днях в Капене, которые являлись одновременно праздником богини (Liv., I, 30, 5; Dion. Hal., III, 32, 1). В день ее праздника отпускались на волю рабы, в связи с чем Варрон идентифицирует ее с Либертас, богиней свободы (Варрон у Serv., Aen., VIII, 564). В храме богини в Таррацине отпуск на волю производился следующим образом: рабы садились на кресло, на котором была надпись: *bene meriti servi sedeant, surgant liberi*¹¹³. После этого на них возлагался *pilleus* — высокий конусообразный головной убор, рассматривавшийся как символ свободы. В начале второй Пунической войны римские *libertinae* приносили Феронии свои дары, когда сенат принял постановление о проведении искупительных мероприятий (Liv., XXII, 1, 18). Посвящение Феронии сделано в городе Риме во времена империи некоей *ancilla* (CIL, VI, 147). Если Диана была защитницей тех, кто вел жизнь беженцев, чужеземцев и беглых рабов (Altheim, Griechische Götter..., стр. 143), то Ферония вводит нас в новую сферу. Она делает рабов свободными и превращает их из чужеземцев в граждан.

Полноты ради укажем еще богиню *Fors Fortuna*, чей праздник справлялся в Риме 24 июня (CIL, I, 1², стр. 243; f. Amit., также f. Esq., f. Ven.). По данным Варрона и других авторов, ее культ был установлен уже Сервием Туллеем, считавшимся любимцем богини, и связывался с рабами и низшими слоями народа¹¹⁴. Античные писатели не выразили ясно, в чем именно состояла эта связь. Большей частью речь идет об отношениях богини с рабским сыном Сервием Туллеем, Овидий же в своих «Фастах» добавляет следующее (VI, 781—784):

*Plebs colit hanc, quia, qui posuit, de plebe fuisse
fertur et ex humili sceptrum tulisse loco
convenit et servis, serva quia Tullius ortus
Constituit dubiae templa propinqua deae.*

Наконец, римский культ Фортуны тесно примыкает к культу Фортуны-Примигении из Пренесте (Wissowa, ук. соч., стр. 259 сл.; Otto, ук. соч., стр. 14).

Таким образом, рассмотренный материал позволяет прийти к следующему заключению. С конца Царского времени в отправлении культа Дианы участвуют рабы-чужеземцы. Следовательно, в традиции о культах, восходящей к тому же времени, находит подтверждение та же картина развития рабства, которую мы обнаружили у древних авторов.

История языка также доказывает существование не только различных терминов для обозначения рабов, но и различных форм рабства¹¹⁵. Если *anculus*, *ancula* и *famulus* обозначают скорее всего общеталлийскую древнюю форму патриархального рабства, то термин *servus*, вероятно, потребовался для того, чтобы отобразить тип раба-чужеземца.

IV. ДОЛГОВОЕ РАБСТВО (V в.)

Сообщения древних авторов и археологические свидетельства единогласно говорят об упадке экономической и политической силы Рима в первые десятилетия ранней Республики. Войны уменьшили численность

¹¹³ Serv., Aen., VIII, 564; ср. Altheim, Röm. Religionsgesch., I, стр. 176 сл.
¹¹⁴ Varro, Del. I, VI, 17; Liv., X, 46, 14; ср. Altheim, Griechische Götter..., стр. 126; W. F. Otto, RE, т. XIII, стб. 17: «Прежде всего богиню почитали простой народ и сословие рабов»; Wissowa, ук. соч., стр. 257.

¹¹⁵ R. Günther, Sklaverei, Wirtschaft und Ständekampf im ältesten Rom, Diss., Lpz, 1957, стр. 16—22 (машинопись).

населения Рима, а вместе с военными поражениями прекратился также ввоз военнопленных. Можно предположить даже, что римляне сами в в большом числе превращались в это время в военнопленных своих многочисленных врагов. Область Рима и его союзников сильно сузилась со всех сторон. Это искушало многих римских рабов отваживаться на бегство к соседям и врагам Рима: расстояние до них значительно сократилось, а поэтому и само бегство стало менее опасным делом. Среди таких рабов находились хорошо обученные и опытные работники: получившие специальную подготовку ремесленники и занятые в земледелии рабы. Именно наиболее образованных и отважных среди них должна была притягивать свобода. Отсутствие новых рабов и бегство еще имевшихся в наличии тяжело сказывалось на римском хозяйстве, которое страдало от растущего недостатка рабочей силы, в особенности квалифицированной. Отсюда ясно, что до тех пор, пока военное счастье вновь не повернулось лицом к Риму и пока нельзя было ожидать нового подвоза военнопленных, римское хозяйство должно было найти замену им из других источников.

В свидетельствах анналистов хотя и содержится описание этого периода, однако не затрагивается вопрос относительно причин, вызвавших изменения в экономике Рима этого времени ¹¹⁶. Если процессы, развертывавшиеся в сфере экономики в более позднее время, политическая история которого хорошо известна, мало прослежены античными историками и почти не объяснены, то тем меньшего можно ожидать в отношении событий начала V века (Ср. Н. Silber, Plebs, RE, т. XLI, стб. 76).

Однако кое-что можно установить. Археологические находки доказывают чрезвычайное падение импорта, а также низкую производительность местного ремесла. В анналистической традиции обрисован ряд событий, которые можно охарактеризовать как угнетение плебса патрициями и его борьбу за свое освобождение.

Эта борьба развернулась в двух областях. Плебеи, т. е. те слои, которые после первой сецессии создали политическую организацию плебса, боролись, во-первых, за участие в управлении государством, а затем за освобождение от долговой кабалы. Вопрос об их участии в управлении Республикой мог быть решен путем предоставления сравнительно небольшому числу плебейских родов доступа к государственным должностям. Это мероприятие коснулось только сравнительно немногочисленного верхнего слоя плебса, который по своему жизненному уровню и имущественному положению мало в чем уступал патрицианским родам, либо совсем не отличался от них ¹¹⁷. Принятие этого слоя плебеев в число родов, обладавших доступом к государственным должностям, не повлекло за собой существенных экономических или социальных улучшений для всего плебса.

Иначе обстояло дело с теми слоями, которые боролись за освобождение от долговой кабалы и представляли собой значительную массу населения, находившегося в более тяжелом экономическом положении. Они сильнее всех должны были пострадать от всеобщего упадка. Малоуспешные войны уменьшили их численность. Их жизнь и имущество, несомненно, подвергались наиболее тяжким испытаниям. Потери в людях,

¹¹⁶ Каждому, кто изучал имеющиеся в источниках сведения о причинах гракханского движения, известно, как мало существенных данных содержат о действительных предпосылках этого движения, например, краткие сообщения Плутарха (Tib. Grach., VIII, 1—3) или Аппиана (BC, I, 26—31).

¹¹⁷ F. Münzer, Römische Adelsparteien und Adelsfamilien, Stuttgart, 1920, стр. 9 сл., 12 сл.; Silber, ук. соч., стр. 78 сл.; Altheim, Römische Geschichte, II, стр. 177 сл.

в доходах, равно как и в жизненном уровне затрагивали их в первую очередь. Большинство из них не имело опоры в виде крупной собственности, которая позволяла высшим слоям легче переносить хозяйственный упадок Рима. Поэтому они первыми очутились в положении должников и вместе с тем подверглись долговой кабале. Посредством долговой кабалы должник вручался кредитору *in persona*. Кредиторы могли претендовать не только на его движимое и недвижимое имущество, но и на него самого вместе с семьей. Кредитор имел право продать его в качестве раба *trans Tiberim*, чтобы из выручки от продажи возместить сумму долга¹¹⁸.

Все же и у имущих слоев были свои лишения. Недостаток рабов-чужеземцев должен был становиться для них тем более ощутимым, что ранее из таких рабов они удовлетворяли свои потребности в рабочей силе. Римское хозяйство оказалось лишенным одной из предпосылок своих достижений. Нужно было заполнить образовавшуюся брешь, но это было трудно сделать, пока продолжалось давление извне. В связи с этим обратились к внутренним резервам. *Nexus*, долговое рабство давало имущей верхушке возможность присваивать рабочую силу экономически более слабых слоев, прежде всего мелких и беднейших крестьян. Было найдено средство без формального порабощения использовать их рабочую силу в хозяйстве. Эти должники получили название *nexi*. Варрон сообщает следующие сведения о положении *nexus*: *liber qui suas operas in servitutem pro pecunia quam debet dat, dum solveret nexus vocatur* (De l. l., VII, 105, ср. Cic., Orat. III, 40; Top., V, 28; Fest., 165, 20 M). В другом месте он говорит о должниках, привлекавшихся к земледельческим работам: *liberi colunt agros cum iis, qui obaerarios nostri vocitarunt* (De r. r., I, 17, 2) (*Obaerarius* обозначает финансовую, *nexus* — правовую сторону того же самого явления). Хотя юридически нет речи о порабощении *nexus*, все же часто употребляется выражение «раб». Дионисий передает некоторые случаи, когда люди, принадлежавшие к плебсу, жаловались, что патриции бросали их в тюрьму, если они не могли уплатить свои долги, и обращались с ними, как с купленными рабами (Dion. Hal., V, 53, 1 сл.). Для обозначения кабально-долговой зависимости в традиции употребляются такие выражения, как *δούλος*, *δουλεύειν* и *δουλοῦσθαι* (Dion. Hal., VI, 26, 58, 59; XVI, 9). Дети должников также подвергались этой форме зависимости (Dion. Hal., VI, 26, 1).

Следствием этого явления было ослабление, рост задолженности, либо вовсе исчезновение мелких крестьянских земельных владений; с другой стороны, увеличивались владения богатых патрициев. Противоречие между богатством и бедностью внутри гражданской общины, существовавшее с более древнего времени, но с развитием рабовладельческого хозяйства отступившее на задний план, с возросшей силой обнаружилось в первые десятилетия аристократической Республики. Оно конкретизировалось в противоречии между мелким и крупным землевладением, между должниками и кредиторами, между полной нищетой, с одной стороны, и попытками увеличить свое богатство, — с другой. Конечным результатом этого развития была продажа *trans Tiberim*, и только то препятствовало доведению этого процесса до последней крайности, что имущие слои не были заинтересованы в исчезновении совсем прослойки долговых рабов. Угроза продажи в рабство, как дамоклов меч, постоянно висела над долговыми рабами, чтобы удерживать их в повиновении. Вместе с тем, состоятельные кредиторы стремились удерживать должников в длительной кабале и выжимать из них последнее.

¹¹⁸ Gell., NA., XX, 1, 47; ср. H. Kreller, Römische Rechtsgeschichte, Tübingen, 1948, стр. 41.

В общем преобладало то мнение, что патриции начали угнетать плебс в первые годы Республики. Правда, по данным некоторых источников, эксплуатация плебеев началась уже при последнем царе Тарквинии. Так, несомненно, он принуждал их к тяжелым повинностям по строительству храмов, общенациональным работам и работам в цирке (Liv., I, 56, 1 сл.; Cass. Hem. у Ser., Aen., XII, 603). Однако вместе с тем подчеркивается, что именно он был царем, расположенным к плебсу (Dion. Hal., VI, 74, 1 сл.). Ливий, как и большинство авторов, связывает начало развития долговой кабалы и угнетения плебеев патрициями со смертью Тарквиния Гордого (II, 21, 6 сл.).

Саллюстий также отмечает, что патриции подвергали плебс рабскому гнету после смерти Тарквиния (Sall., Hist., I, fr. 11, ed. Mauguenbrecher).

Цицерон напоминает о тяжком бремени долгов, давившем на плебс, когда он сообщает о переселении плебеев на Священную гору (De ger., II, 58). Ливий подтверждает точку зрения Цицерона, определяя долговую кабалу, как основную причину конфликта между патрициями и плебсом: *inter patres plebemque flagrabat odio, maxime propter nexos ob aes alienum* (II, 23, 1). В то же время он отмечает, что патриции угнетали плебеев и что они систематически лишали последних свободы (II, 23, 2). Один центурион, убежавший из эргастула, горько сетовал на позорное обращение с ним его кредиторов (Liv., II, 23, 5 сл.). Можно было бы увеличить количество подобных примеров (ср. Varro, De r. r., I, 17, 2). Однако поскольку в данном случае речь идет скорее о выявлении господствующего в источниках представления, чем о рассмотрении отдельных деталей, мы позволим себе ограничиться в заключение несколькими наиболее заслуживающими внимания примерами, которые приводит Дионисий. Должника вместе с его сыновьями уводили из дома; если долги не могли быть уплачены, все они должны были выполнять для кредитора тяжелую работу (Dion. Hal., VI, 26, 1). Долговые рабы убегали из тюрем (Dion. Hal., VI, 26, 2 сл.). Другие должны были, будучи лишенными своего имущества, работать на кредиторов на своей прежней земле в качестве долговых рабов, вместе с военнопленными рабами (Dion. Hal., VI, 79, 2, ср. Varro, De r. r., I, 17, 2). Пусть детали передаваемых Дионисием речей исторически недостоверны, но из его произведения мы можем составить представление об общей картине.

Политические изменения содействовали экономическим. С введением центурий во второй половине VI в. была уничтожена принудительная клиентела плебса (Altheim, Röm. Geschichte, I, стр. 53). Если до этого времени плебеи, чтобы получить возможность принадлежать к римскому *populus*, должны были вступать в клиентелу какого-нибудь патриция (там же, т. II, стр. 172), то теперь включение в центурии происходило в соответствии с имущественным положением. В этой связи долговое рабство было для патрициев средством вновь подчинить плебс своей опеке, после того как новая система формирования войска освободила его от этой опеки в государственно-правовом отношении. Эти попытки вызвали сопротивление городского плебса. В виде крепкой организации, *lex sacra*, плебеи попытались создать себе защиту от злоупотреблений патрициев¹¹⁹.

Со времени введения гоплитской тактики плебс был хребтом всего войска (Altheim, Röm. Geschichte, т. II, стр. 169). Здесь в нем нуждались, и от его военной готовности зависело самостоятельное существование города. Поэтому отказ от службы в войске, несомненно, затрагивал

¹¹⁹ Altheim, Röm. Geschichte, стр. 179 сл.; он же, Röm. Religionsgesch., I, стр. 221—251.

господствующие слои самым чувствительным образом. Плебс был военной организацией. Не было ни одного случая антиплебейских мероприятий в военное время. Когда же плебс впервые применил перед войной с вольсками 495 г. оружие отказа от службы, сенат и консул П. Сервий были вынуждены были обещать после войны изменить положение плебса путем реформ (Liv., II, 23, 1 сл.). Тогда последовал поход против вольсков, и он протекал успешно, но патриции отказались выполнить свое обещание (Liv., II, 27, 1 сл.). Это привело к тому, что в следующем году плебс вновь отказался от службы в войске (Liv., II, 28, 6 сл.). Лишь с трудом диктатору М. Валерию удалось, повторив обещание, побудить плебс взяться за оружие (Liv., II, 30, 6). После завершения похода патриции вновь не сдержали своего слова (Liv., II, 31, 8). Тогда, т. е. в 494 г. до н. э., после того как патриции нарушили *fides* (Altheim, Röm. Geschichte, стр. 193), плебеям оставалась в качестве последнего выхода *secessio*. Со всем оружием и с почетными знаками, как регулярные войска они покинули город и, наконец, достигли первой победы (Liv., II, 32 сл.). И в будущем плебеи смогли добиться больших успехов с помощью угрозы отказа от службы в войске и переселения, чем посредством открытых уличных боев.

Военные поражения Рима привели его к критическому положению. Само собой разумеется, что люди, лишенные собственности, опутанные долгами и закабалаемые, не имели никаких причин ставить на войне свою жизнь на карту. У них не было имущества, которое стоило бы защищать, а после возвращения в Рим их ожидал новый гнет, новая кабала. Поэтому от них нельзя было ждать никакой боевой готовности, не говоря уже об отваге. С другой стороны, военные поражения ускоряли процесс экономического упадка, вследствие чего развивалась задолженность и долговая кабала. Благодаря этому у плебса исчезла всякая заинтересованность в более успешной военной деятельности. В экономике дело обстояло таким же образом. Патриции имели крупные земельные владения, но для этих владений не хватало рабочей силы. Правда, они могли получить эту рабочую силу из рядов *pexi*, но *pexus* не был заинтересован в том, чтобы поднять производительность своего труда выше необходимого уровня. Эти работники трудились неохотно, их нельзя было больше удерживать от мятежа угрозой продать *trans Tiberim*; они стремились организовать как государство в государстве. С каждым новым военным поражением трудности возрастали.

В противовес требованиям плебса об устранении произвола в применении долгового права была совершена попытка создать в виде законов Двенадцати таблиц правовую основу долговой кабалы (451—450 г.). Долговой раб оставался в юридическом смысле свободным человеком, временно обязанным в силу своей задолженности выполнять работу раба¹²⁰. Он находился в отношении личной зависимости от кредитора и мог освободиться от этой зависимости только в том случае, если возвращал к определенному сроку твердо установленную сумму долга (Ср. XII tab., 6, 1), тогда наступало *nexi liberatio* (Gai, III, 169 сл.), освобождение от *pexus*. Если он не мог выполнить обусловленное обязательство, он сталкивался со всей жестокостью древнеримского долгового права. Законы Двенадцати таблиц определили также, что по истечении 30 дней от назначенного срока уплаты кредитор имел право привести должника на суд. Если должник и далее оставался неплатежеспособным и не находил состоятельного друга, который уплатил бы за него сумму долга, кре-

¹²⁰ R. Düll, *Nexum*, RE, XVII, стб. 163 сл.; H. Kreller, *Röm. Rechtsgeschichte*, стр. 39, 41; J. N. Lambert, *Studi in onore de P. de Francisci*, I, стр. 359 сл.

дитор мог отвести должника в свой дом и заключить его в оковы, но при этом должен был позаботиться о его содержании. Минимальный размер этого содержания устанавливался с такой же точностью, как и вес оков. По истечении следующих 60 дней и троекратного провозглашения суммы долга на форуме, куда приводился также и должник, могла последовать продажа должника за границу — *trans Tiberim* в качестве раба ¹²¹. Если вначале в залог кредитору отдавалось имущество должника, его земля и дом, то затем следовала потеря им личной свободы, продажа его жены и детей и, наконец, продажа его самого или долговая кабала.

Теперь становится ясным подлинное значение сообщений Ливия и Дионисия о жестоком обращении с римскими должниками в начале V в. Возможно, отдельные детали, обрисованные анналистикой, недостоверны, однако в общем и целом изображаемая ею картина не может намного расходиться с действительностью, если нормы преследования должников, предписанные в законах Двенадцати таблиц, рассматривались уже как облегчение.

Законы Двенадцати таблиц не изменили существенно положение должников. Изменение произошло только в способах преследования, причем оно не затронуло степени наказания, но теперь государство устанавливало и регулировало — вплоть до деталей — весь ход событий. Существенный новый момент, внесенный законами Двенадцати таблиц, состоял в этом юридическом закреплении отношений долговой кабалы.

Перелом в положении Рима проявился вначале в сфере военного дела. Во второй половине V в. Рим начал постепенно оправляться от того глубокого экономического, политического и культурного упадка, который он испытал после изгнания Тарквиниев, и этот процесс развернулся прежде всего в военной области. Рим начал выпутываться из внешнеполитической дилеммы, перед которой его поставили нападения многочисленных врагов. В 444 г. военные трибуны с консульскими полномочиями взяли на себя высшую военную и политическую власть ¹²². Среди этих трибунов были также и плебеи, хотя до 399 г. еще часто встречаются чисто патрицианские коллегии ¹²³.

В то же время небольшое число плебейских родов, которые немногим уступали по своему имущественному положению состоятельным патрицианским семьям либо совсем не отличались от них, одержали победу, имевшую предварительное значение. *Lex Canuleia*, отменивший запрет браков между патрициями и плебями, открыл этим родам доступ в патрицианские семьи. Таким образом, был сделан первый шаг к их включению в число родов, члены которых могли занимать государственные должности.

Поражения Рима сменились успехами. Ардеа и Цирцеи были отобраны у вольсков ¹²⁴. В основании колоний проявлялось стремление связать в военном и экономическом отношениях отвоєванные или вновь приобретенные области с метрополией (*Altheim, Röm. Geschichte*, стр. 334 сл.). Эквы были оттеснены из области между Анио и Тускулом в горы. С этого времени можно отметить и успехи Рима в борьбе с этрусками: Фидены, предмостное укрепление этрусков на левом берегу Ти-

¹²¹ XII tab., 3, 1—6 сл.; ср. K r e l l e r, ук. соч., стр. 41; A l t h e i m, Röm. Geschichte, стр. 230 сл.; P. d e F r a n c i s c i, Storia del diritto Romano, I², стр. 279, прим. 2; N o r d e n, Aus altrömischen Priesterbüchern, Lund—Lpz, 1939, стр. 166, прим. 3.

¹²² K o r n e m a n n, ук. соч., стр. 87 сл.; A l t h e i m, Röm. Geschichte, стр. 329—332.

¹²³ L i v., IV, 6, 8; об этом ср. T. M o m m s e n, Staatsrecht, II⁴, стр. 188, прим. 2.

¹²⁴ L i v., IV, 7, 10 сл.; также D i o d., XII, 34,5; L i v., IV, 11, 3; ср.: A l t h e i m, Röm. Geschichte, стр. 333 сл.; M. G e l z e r, RE, XII, стб. 957 сл.

ра, были завоеваны в 435 г.; в 396 г. после долгой, трудной борьбы в руках римлян оказались богатые Веи (Liv., IV, 2² 1 сл.; V, 19—23). Рим не только достиг того положения, которое он занимал в Средней Италии в VI в., но и значительно упрочил его.

Новые территориальные захваты, несомненно, привели к тому, что Рим получил новых военнопленных. Вследствие этого долговая кабала отступила на задний план. Очевидно, в Риме снова было достаточно рабов и, следовательно, достаточно необходимой рабочей силы. Добыча, захваченная в Веях, значительно укрепила в экономическом отношении и плебс, и в особенности верхний слой патрициев ¹²⁵. Возобновился процесс экономического развития по восходящей линии — он был лишь ненадолго прерван во время завоевания Рима галлами. Вместе с тем встречается все меньше указаний на существование долгового рабства. Количество долговых рабов со времени первых десятилетий IV в., несомненно, сильно уменьшилось. Теперь, когда дело шло к тому, чтобы реформировать систему регулирования долгов в интересах тех слоев, экономическое положение которых было более трудным, то это урегулирование касалось уже немногих. Первый из законов Лициния — Секстия гласит, что разрешается вычет выплаченных процентов из суммы долга и уплата остатка с рассрочкой в три года (Liv., VI, 35, 4 сл.). В течение последующих десятилетий процентная ставка понижается; государство поддерживало неплатежеспособных должников, ссужая необходимые суммы. Наконец, в 326 г. lex Poetelia запретил на будущее поработать должника и заключать его в оковы ¹²⁶. По всей видимости, это было лишь закреплением *de jure* порядка, который в течение какого-то времени был общепринятым *de facto*. Таким образом, долговое рабство было окончательно отменено также и юридически. Впрочем, с 356 г. существовал налог на отпуск на волю размером в 5 процентов от стоимости освобожденных рабов. Это позволяет предположить, что число таких рабов было довольно значительным (Liv., VII, 16, 7).

Рабство чужеземцев оказалось более рентабельным и продуктивным, чем отношения долговой кабалы. Только в период наибольших экономических и политических трудностей последняя могла подтвердить свое право на существование. Военные успехи V и IV вв. явились отправной точкой нового подъема. Именно со времени завоевания Вей стал явно заметен рост крупного землевладения. Если уже раньше экономическая продуктивность пехус была незначительной, то теперь эта форма зависимости оказалась прямой помехой новому развитию. Рентабельное ведение крупного производства требовало в качестве непосредственного производителя раба, а не закабаленного должника. Из факта неуклонного распространения крупного хозяйства явствует, как сильно уже в IV в. должно было увеличиться количество рабов. Однако вместе с тем исчезала та единственная основа, на которой в первой и еще во второй половине V в. могла развиваться долговая кабала.

V. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Было бы неправильным полагать, что развитие от родового строя к классовому обществу происходило органически и только по своим собственным внутренним законам — таким образом, что из более или менее

¹²⁵ Liv., V, 30, 8; Diod., XIV, 102; ср. Frank, ESAR, I, стр. 23; Altheim, Röm. Geschichte, стр. 339, 364. Четыре новые трибы были учреждены на вновь приобретенной территории.

¹²⁶ Liv., VII, 16, 1; VII, 21, 3—8; VII, 27, 3 сл.; VIII, 28, 1—9; Dion. Hal., XVI, 9; Altheim, Röm. Geschichte, стр. 361—363.

«чистой» родо-племенной организации развивался союз племен и позднее, вследствие социальной дифференциации, образовались классы. Процесс возникновения Рима из родового союза не был органически согласованным во всех своих компонентах. Когда в определенный исторический момент Рим начал свое существование в качестве поселения, этот процесс не прошел еще всех стадий, а первые поселенцы на холмах жили уже, как показывают археологические находки, в условиях относительно развитой социальной дифференциации. Курии и три древнейшие трибы в тот период, когда определились известные их ныне названия, не являлись органически возникшими родовыми учреждениями, но несли на себе печать государственного образования. Почти в то же время начало проявляться сильное внешнее влияние с севера и с юга — т. е. со стороны обществ, стоявших на более высокой ступени социального развития, чем община Септимонтия.

Это внешнее влияние сильно ускорило дальнейшее оформление общественных институтов общины на холмах. По данным стратиграфических исследований Гьерстада, около 670—660 гг. до н. э. на краю форума возникло село из 43 легких хижин¹²⁷. Примерно в 625 г. до н. э. это село, по-видимому, было уничтожено разливом ручья, протекавшего на форуме. Некоторое время край форума оставался незаселенным и снова, как когда-то прежде, использовался в качестве места погребения. После того как было проведено урегулирование режима ручья и осушение болота на форуме, видимо, примерно между 625 и 575 гг. до н. э. возникло новое поселение также из хижин. Теперь оно, очевидно, распространилось в глубину низины форума. Таким образом, из новейших исследований вытекает, что форум использовался в качестве места погребения уже со времени IX—VIII вв. Этим временем могут быть датированы два поселения из легких хижин на Palatium и Germinalis. К VII в. относится уже упомянутое поселение из легких хижин на форуме, существовавшее задолго до того, как форум превратился в часть города¹²⁸.

В связи с этим вполне возможно, что к концу VII в. на краю форума, может быть, поблизости от храма Весты, где также сделаны находки, стояло святилище в честь Диониса-Либера. Соединение общин на холмах, возможно, произошло в это время. Г. Пинца уже в 1898 г.¹²⁹, а в особенности в своей работе, опубликованной в 1905 г., «*Monumenti primitivi di Roma e' del Lazio antico*» разработал теорию, в соответствии с которой Рим возник путем объединения первоначально самостоятельных поселений Палатина, Велли, Целия, Оппия, Циспия, Квиринала и Виминала. Новейшие археологические и исторические исследования делают вероятным предположение, что Рим возник путем синкризма. Палатин, однако, не был «древнейшей ячейкой» позднейшего Рима. Поселение из хижин на Палатине не древнее наиболее ранних поселений на Квиринале и Оппии¹³⁰. Поселения постепенно спустились с холмов на низменность. В VIII в. началось заселение Палатина, Квиринала, Циспия и Оппия. Древнейшие даты заселения Велли, Виминала и Целия пока неизвестны. Равнинные участки еще не были заселены и использовались

¹²⁷ E. Gjerstad, *La stratigrafia e i più antichi materiali archeologici nella zona dell'arco di Augusto*, «Bull. Paletn. Ital.», N. S., IX, 64 (1954/1955), стр. 277 сл.

¹²⁸ P. Romanelli, *Problemi archeologici e Storici di Roma primitiva*, «Bull. Paletn. Ital.», N. S., IX, 64 (1954/1955), стр. 257 сл.; G. Carattoni, *Tomba arcaica a cremazione sul Palatino*, там же, стр. 261 сл.; S. M. Puglisi, *Nuovi resti sepolcrali nella valle del Foro Romano*, «Bull. Paletn. Ital.», N. S., VII, часть IV (1951/1952), стр. 45 сл.; он же, *Sepolcri di incinerati nella valle del Foro Romano*, «Bull. Paletn. Ital.», N. S., IX, 64 (1954/1955), стр. 299.

¹²⁹ G. Pinza, «Bull. Archeol. Comun.», 26 (1898), стр. 90 сл.

¹³⁰ S. M. Puglisi, «Bull. Archeol. Comun.», 73 (1949—1950), стр. 15 сл.

только как места погребений. Однако со второй четверти VII в. эти участки заселяются, например низменность между Палатином и Опием, вдоль *Sacra via*, между мостом Августа и храмом божественного Юлия. В последней четверти VII в. район поселений достиг центра позднейшего форума, области *equus Domitiani*¹³¹. Поселения топографически уже врастали друг в друга, прежде чем политический акт синойкизма определил их дальнейшее развитие в город. В тот же период усилилось этруское влияние. К 575 г.¹³² до н. э. произошел синойкизм. Возникновение нового города — города Рима можно проследить археологически: исчезли хижины, стали воздвигаться прямоугольные дома развитой архитектуры. Появляются храмы этруско-италийского стиля. К концу VI в. строительство достигло значительных размеров. Со второй четверти VI в. Рим вошел в систему этруских городов-государств. По Гьерстаду¹³³, *ager Servii Tullii* (конец VI — начало V в.) охватывал только Квиринал, Виминал, Циспий, Фагутал и Оппий. Палатин и Капитолий были укреплены отдельно. На Целии и Веллии до сих пор не откопано никаких остатков укреплений, а Авентин не принадлежал к древнейшему померию. Функции прежних самостоятельных общин, вероятно, были переданы сабинской центральной власти. Возможно, сабиняне были господами общины Септимонтия. Традиция называет несколько первых царей из сабинских родов, археология и лингвистика подтверждают сильное сабинское влияние со времени VII в. Латинские и сабинские поселения слились в единое целое. Родовой строй, сильно поколебленный уже со времени возникновения независимых общин на холмах, окончательно потерял свое господствующее положение. Трибы и курии приобрели характер государственных учреждений.

Прежние родовые божества превратились в государственных богов; трибы больше не совпадали с племенным делением (*Altheim, Röm. Geschichte*, I, стр. 199). Курии и декурии больше не соответствовали кровнородственным родовым союзам. Возникшая государственная система курий стала над родом: в военной организации, базирующейся на системе курий, сын господина дома был совершенно равноправен со своим отцом, между тем в родовом союзе он был подчинен ему во всех отношениях (там же, стр. 200).

Система курий возникла как военная необходимость. По данным традиции, она относится к началу этруского господства в Риме. Названия триб и отчасти курий также скопированы с этруских родовых наименований (там же, стр. 70). Триба образовывала в войске тысячу, курия — сотню, декурия — отряд из десяти человек. Таким образом, это были объединения членов общины, способных носить оружие. Возможно, что в тот же период в первый раз было осуществлено деление территории на три тысячи, территориальное деление общины (*Varro, De l. l.*, V, 55).

На той же основе возник римский сенат. Число его членов равнялось числу декурий. Так как не каждый *gens* выставлял именно десять мужчин, способных носить оружие, число *gentes* не соответствовало числу декурий. Вероятно, *gentes* было меньше, чем декурий. Таким образом, не все 300 сенаторов были представителями родов; люди, отличившиеся

¹³¹ Cp. E. Gjerstad, *The fortifications of Early Rome*, *Opuscula Romana*, I, Lund, 1954, стр. 50 сл.

¹³² Все даты заимствованы из относительной хронологии Е. Гьерстада, *The fortification of Early Rome* и *Early Rome*, I и II.

¹³³ Gjerstad, *Opuscula Romana*, I, стр. 50 сл.; он же, в кн. *Studies presented to D. M. Robinson*, I, Saint Louis, 1951, стр. 412 сл. (мне недоступна); он же, *Bull. Archeol. Comun.*, 73 (1949—1950), стр. 27 сл.

в войнах и достигшие более высокого имущественного положения, также входили в состав сената. Вместе с этим был нарушен принцип формирования первоначального совета старейшин племени, состоявшего из представителей *gentes* (Altheim, *Röm. Geschichte*, стр. 72).

Система курий оттесняет роды в область частных отношений. Из военной организации, основанной на куриях, выросла политическая организация. В куриатных комициях для проведения народных собраний собираются граждане, способные носить оружие, с ними вместе находятся царь, сенат и жреческая коллегия. Граждане, являющиеся клиентами, обладают в куриях меньшими правами, в частности, это относится к праву голоса. Деление членов общины по территориальному признаку (деление по родам, возможно, продолжало еще долгое время играть известную роль), создание организации войска по *turmae*, совершенно не считающейся более с принадлежностью к роду, заимствование у этрусков письменности, включение в состав сената лиц, не принадлежавших к родовой знати, — таковы характерные признаки этого периода, начавшегося приблизительно с конца VII в. Родовой организации был нанесен решительный удар.

Когда Рим принял гоплитскую тактику, стала необходимой новая конституция. Она возникла в виде системы центурий. «Особенность системы центурий состояла в том, что она связывала классовое членение народа с новым видом вооружения и проведение тимократического принципа — с военной реформой» (там же, стр. 162). Вся совокупность членов общины была разделена на группы в соответствии с имущественным положением. Тимократическая конституция отделила их от системы курий. Вся власть находилась теперь в руках высших имущих классов. Если в куриях все члены общины еще участвовали в голосовании, то теперь голосовали фактически только члены первого имущего класса вместе с всадниками; остальных вообще больше не спрашивали. Экономическая состоятельность граждан стала решающим фактором при распределении их на группы.

После всего изложенного выше было бы преждевременным определять государство начала VI в., основанное на куриях, и государство конца VI—V вв., основанное на центуриях, как уже полностью сформировавшееся рабовладельческое государство. Это — государство переходного периода от родового строя к обществу, покоящемуся на рабстве. Хронологически оно охватывает эпоху примерно от VI до IV—III вв.

VI. КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА ДРЕВНЕЙШЕГО РИМА

В период перехода от родового строя к рабовладельческому в древнейшем Риме обнаруживаются следующие основные классы:

1. Зажиточные землевладельцы, в руках которых постепенно начинает концентрироваться владение землей. К этой группе, возвышающейся над массой мелких производителей, уже принадлежат также богатые незнатные семьи. Богатство перестало быть принадлежностью одной лишь знати. В этот переходный период, для которого уже с VI в. характерно существование государства, землевладельцы являются господствующим классом, а позднее, когда рабство стало основой производства, они превращаются в своем большинстве в класс рабовладельцев.

2. Масса прежних рядовых членов общины, мелкие производители: ремесленники, владельцы небольших участков, обрабатывающие свою землю с помощью членов своей семьи и большей частью без рабов. В количественном отношении они составляют большинство населения и угнетаются экономически и политически членами господствующего класса.

Этрусский период был благоприятным для экономического и политического развития мелких производителей. Цари использовали их как силу, противостоящую римской родовой знати. В V в. этот класс породил на некоторый период слой *пехі*, которые в качестве несвободных должников работали на своих кредиторов. Мелкие производители трудятся главным образом для удовлетворения собственных потребностей; производство для обмена является еще не правилом, но исключением. Этот класс разнороден и не постоянен по своему составу и находится в состоянии непрерывного распада и текучести. Следует также подчеркнуть, что для того периода невозможно провести резкие границы между классами: между ними существовали переходные слои, не дающие возможности резкого разграничения.

3. Класс рабов. В этот ранний период он еще не является основным классом общества; рабство еще не составляет основу производства. Однако с возникновением классической формы рабства этот класс, наряду с классом рабовладельцев, развивается в будущий основной класс и оттесняет класс мелких производителей в положение переходного, промежуточного класса. Патриархальное рабство также продолжает существовать, но оно все больше и больше становится застойным элементом в обществе.

